

ТОПЛИВО ИЗ КЛЯТВ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Топливо из клятв

«Автор»

2026

Светланова М.

Топливо из клятв / М. Светланова — «Автор», 2026

Клятвоград отапливают нарушенными обещаниями. Сборщица Мира Вельская умеет извлекать их горючий осадок и знает цену каждого тёплого дома: после сжигания человек навсегда теряет способность повторить своё слово. Когда Мира обнаруживает промышленную колбу с поддельным согласием, след приводит её к Центральной теплостанции. Там нуждающихся заставляют обещать невозможное, а украденные рассветы превращают несовместимые клятвы в ровное топливо. Чтобы раскрыть схему, Мире придётся работать с Яном Корвеном — аудитором времени и наследником семьи, получавшей прибыль от станции. Но самый опасный источник энергии скрыт в её собственной детской клятве никогда не оставлять сестру. Это романтическое фэнтези о свободе передумать, ответственности за причинённый вред и близости, которой не нужны слова «навсегда».

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Колба с чужим «навсегда»	6
Глава 2. Аудитор без рассвета	10
Глава 3. Тепло для Нижних улиц	17
Глава 4. Артель трёх ключей	24
Глава 5. Квитанция на невозможное	29
Глава 6. Часы госпожи Корвен	39
Глава 7. Первая холодная ночь	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мара Светланова

Топливо из клятв

От автора

Мы привыкли считать верность обещанию безусловным достоинством. Но обещание, данное из страха, нужды или любви, способно стать не опорой, а клеткой. Этот роман — о цене красивого слова, о праве пересмотреть невозможное обязательство и о труде, который возвращает людям выбор.

Магия Клятвограда вымышлена, однако вопросы Миры вполне земные: кто получает выгоду от нашей безупречности, где проходит граница ответственности и можно ли доверять без клятвы «навсегда». Лучше всего читать эту историю не как спор против верности, а как приглашение отличать свободное согласие от принуждения.

Глава 1. Колба с чужим «навсегда»

Клятва лежала под половицей и дышала.

Каждые семь ударов сердца янтарный свет просачивался сквозь щель, облизывал ножку детской кровати и гас. На восьмой раз по доскам пробежал сухой треск, словно кто-то ломал тонкую ветку. Мира Вельская сидела на корточках, прижав к полу медный слухач, и считала.

— Пять циклов, — сказала она. — Сильная. Вы уверены, что больше никто не входил?

Хозяйка комнаты, госпожа Таль, крепче обняла локти. Ей было около сорока, но этой ночью она успела состариться ещё на несколько лет. За её спиной в дверях стояла девочка в длинной рубашке и смотрела не на Миру, а на свет под кроватью.

— Только мы. Он ушёл утром. Сказал, что больше никогда сюда не вернётся.

— Это не та фраза, которая осела.

Женщина вздрогнула.

Мира не любила угадывать чужие слова. В первые годы ремесла ей казалось, что точная формулировка помогает очистить помещение. Потом она поняла: люди слышат повторённую клятву как обвинение, даже если сборщик произносит её бесстрастно. Для извлечения достаточно было знать границы обязательства, сторону, которой его дали, и момент разрыва.

Она убрала слухач в раскрытый футляр. В ячейках лежали щипцы из тёмного серебра, три пустые колбы и моток нити, вываренной в солёной воде. На крышке белела лицензия артели — три перекрещённых ключа и номер, который городская палата могла проверить в реестре.

— Мне нужно ваше согласие на вскрытие пола, — сказала Мира. — Осадок я заберу на хранение. Вы получите расписку и право решить, уничтожить его без сжигания или продать. Пока решение не принято, артель не использует находку как топливо.

— Если продать, сколько дадут?

Девочка подняла голову. Госпожа Таль заметила это и сразу отвела глаза.

— Я не называю цену до очистки. И вы должны знать последствие: если остаток сожгут, человек, давший клятву, больше не сможет обещать то же самое. Не просто этими словами. По смыслу.

— Он и так не собирается.

— Сегодня — возможно. Но топливо помнит не сегодняшнее намерение.

Мира протянула ей дощечку согласия. Госпожа Таль приложила большой палец к восковой выемке. Воск потеплел, принял отпечаток и остался бесцветным: простое разрешение, не обещание.

— Лея, выйди на кухню, — попросила женщина.

— Я хочу видеть.

— Пусть останется, если вы обе согласны, — сказала Мира. — Только за соляной чертой.

Она обвела кровать белой нитью и закрепила концы подковообразной скобой. Потом просунула тонкий ломик в щель. Доска поднялась с жалобным скрипом. Свет под ней сжался, почувствовав воздух, и метнулся к руке.

Мира успела подставить щипцы. Янтарная нить обвилась вокруг металла и дёрнула так, будто на другом конце висел живой человек. Внутри чужого обещания всегда сохранялось направление: к тому, кому его дали, или от того, что обещали сделать. Эта тянулась к двери.

Не уходить.

Мира не произнесла догадку вслух. Она накрутила осадок на щипцы, как горячее стекло на трубку. Обычно нарушенная клятва выходила клочьями — с пылью, волосами, мелкими домашними страхами. Эту кто-то уже отделил от всего лишнего. Под половицей лежал гладкий, почти прозрачный жгут.

Слишком чистый для жилой комнаты.

— Когда вы заметили свет? — спросила она.

— После полудня. Лея уронила заколку.

— Пол вскрывали за последний месяц?

— Нет.

Осадок снова рванулся к двери. Мира повернула запястье, погасила движение и ввела жгут в колбу. Стоило пробке с медной сеткой коснуться горлышка, янтарное сияние сделалось ровным. Не пульсирующим, не рваным — ровным, как заводское пламя в смотровом окне.

На доньшке проступило клеймо.

Три зубца над полукругом.

Мира закрыла колбу ладонью. Клеймо Центральной теплостанции знали даже дети: оно стояло на квитанциях за отопление, на угольных тележках и на тёплых трубах, пересекавших Клятвоград от верхних кварталов до Нижних улиц. На частном осадке ему взяться было неоткуда.

— Что там? — спросила госпожа Таль.

— Метка очистки. Вы раньше обращались на станцию?

— Нет. А он... Работал у подрядчика. Недолго. Развозил бланки.

— Какие бланки?

Женщина снова посмотрела на дочь.

— Нам говорили, это помощь семьям. За подпись давали аванс на зимнее тепло. Он подписал. Потом деньги кончились.

— Что именно он обещал?

Госпожа Таль долго молчала. Девочка ответила за неё:

— Что никогда нас не оставит.

Колба стала горячей. Мира поставила её в изолированную ячейку и защёлкнула ремешки.

— Расписку я оформлю на кухне, — сказала она. — И добавлю запрет на продажу до выяснения происхождения метки.

— Но вы сказали, решение моё.

— Так и есть. Запрет временный, на трое суток. Если осадок был изъят, обработан и возвращён без вашего согласия, это уже не только семейное дело. Я обязана сообщить в палату.

— А деньги?

Вопрос прозвучал тише скрипа половиц.

Мира знала дома, где люди вызывали сборщика не из страха перед пожаром, а потому, что в кладовой наконец созрело то единственное, что можно было продать. Разрыв обещания кормил семью два дня, грел комнату неделю и оставлял невидимую пустоту на годы. Город называл это оборотом ответственности. Сборщики между собой — торговлей последним словом.

— Артель выдаст вам безопасный аванс по нижней оценке, — решила она. — Без передачи права на сжигание. Если палата снимет запрет, выберете сами.

Она увидела, как женщина выдохнула, и не позволила себе пожалеть о сумме, которой не было в кассе.

На улице рассвет уже побледнел до зимнего олова. Трубы станции тянулись над крышами, будто город был собран на медном каркасе. Внутри труб гудело тепло, купленное у тех, кто однажды не сдержал слово. Прохожие грели ладони у решёток и старались не думать, чьё «обязательно» сейчас превращается в пар.

Мира несла футляр обеими руками. Колба в нём постукивала в такт шагам, хотя была закреплена ремнями.

У поворота на Медницкую её догнал мальчишка в серой форме станции.

— Сборщица Вельская?

— Кто спрашивает?

— Центральная служба учёта. — Он протянул запечатанный конверт. — Подтвердите получение.

Печать на конверте повторяла три зубца над полукругом. Мира не взяла письмо.

— Назовите ваше имя и покажите жетон.

Мальчишка замялся. Форменная куртка была ему велика, рукава подвёрнуты дважды. На месте жетона темнели две дырочки.

— Мне велели только передать.

— Кто?

Он бросил конверт на мостовую и побежал. Мира не стала догонять. Подобрала письмо щипцами, осмотрела края и сунула в наружный карман футляра, отдельный от колб.

Печать была настоящей. Бумага пахла дешёвым клеем и станционной золой.

В артели уже спорили.

— Если ты ещё раз поставишь сырой остаток на мою печь, я поставлю тебя туда же, — сказала Зоя.

— Тогда анализ будет особенно подробным, — отозвалась Нелла из-за стеклянной перегородки.

Мастерская занимала бывшую ключную лавку. От прежнего хозяина остались узкие ящики на стенах; теперь в них хранились пробки, соли и квитанционные пластины. В центре стояла печь Зои — круглая, приземистая, с тремя независимыми заслонками. Над ней висела табличка: «Ни одна клятва не горит без подписи владельца». Эту фразу они придумали втроём и намеренно не скрепили обещанием.

Зоя вышла из-за печи, вытирая руки о кожаный фартук. Она была выше Миры и старше на пять лет, а хмурилась так же, как в детстве, когда находила младшую сестру на крыше.

— Ты поздно.

— Я была на Медницкой.

— Это объясняет адрес, не опоздание.

— Нашла обработанный остаток в частном доме.

Нелла перестала звенеть пробирками. Её тёмная голова показалась в проёме.

— Насколько обработанный?

Мира поставила футляр на каменный стол и открыла. Янтарная нить сияла без единой примеси.

Зоя не прикоснулась к колбе.

— Такой чистоты не бывает после бытового сбора.

— Бывает после промышленной промывки, — сказала Нелла. — Дважды в щёлочи, потом через часовую сетку. Но зачем возвращать его под пол?

— И как? — добавила Мира. — Хозяйка уверена, что доски не вскрывали.

Нелла поднесла к стеклу увеличительную пластину. На дне колбы разрослось клеймо станции. Теперь рядом с тремя зубцами обнаружились мелкие цифры.

— Партия? — спросила Зоя.

— Похоже. Семь, два, девять... Последняя стёрта. Мира, это не метка очистки. Это дозирочный штамп. Такие ставят после проверки горючести.

— Значит, остаток был на станции.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так подумали.

Мира достала конверт. Зоя быстро прочитала адрес, потом посмотрела на сестру.

— Тебя ждали.

— Сначала откроем в соляном ящике.

Внутри оказался один лист без подписи.

«Лицензированной сборщице М. Вельской предписывается передать найденную колбу представителю Центральной службы учёта до девятого часа. Образец относится к имуществу станции и опасен для частного хранения. Компенсация владельцу помещения будет произведена согласно тарифу».

Ни номера распоряжения, ни имени представителя. Только отпечатанный внизу адрес приёмного окна.

— Они знают, где ты была, — сказала Зоя.

— И что я нашла, — ответила Мира.

Нелла подняла письмо к свету.

— Бумага их. Формулировка почти их. Но станция не может объявить своим осадок частной клятвы.

— Может, если в договоре мелким шрифтом купила будущий разрыв, — сказала Мира. — Господин Таль подписывал бланк помощи семьям.

— Тогда почему остаток лежал дома?

На этот вопрос ответа не было. За стеной проснулся городской гул: открывались лавки, звенели первые трамваи, в трубах менялось давление. Печь артели тихо щёлкнула заслонкой.

Колба ответила тем же ритмом.

Щёлк. Пауза. Щёлк.

Зоя первой обернулась к печи.

— Убери её от топливной линии.

Мира схватила футляр, но янтарная нить внутри уже вытянулась к северной стене, туда, где под мостовой проходила магистраль Центральной станции. Стекло задрожало. На полках одна за другой вспыхнули старые колбы — слабые остатки, принятые на безопасное хранение. Не ярко, но одновременно.

Станция звала свою партию.

Нелла захлопнула свинцовую заслонку вокруг стола. Зоя перекрыла печь. Свет в мастерской погас, однако под крышкой футляра продолжало ровно гореть чужое «навсегда».

— Передадим палате? — спросила Нелла.

Мира вспомнила мальчишку без жетона и распоряжение, составленное так, чтобы напугать законопослушного ремесленника. Если отнести колбу в городское хранилище, её зарегистрируют. До вечера туда явится служба учёта с правильными бумагами. К утру образец сожгут, а господин Таль навсегда утратит способность обещать семье, что останется.

Если спрятать находку, Мира нарушит лицензионный порядок и подставит артель.

Она достала чистую квитанционную пластину.

— Палате сообщим сейчас. Зафиксируем состав, клеймо и реакцию на магистраль. Саму колбу не отдаём никому без владельца и независимого свидетеля.

— Это означает проверку, — сказала Зоя.

— Это означает, что у нас проверка уже началась. Просто нас забыли уведомить.

Мира вписала имя госпожи Таль и номер своей лицензии. В графе «происхождение топлива» впервые за девять лет работы поставила не адрес.

«Центральная теплостанция. Требуется расследование».

Когда она прижала к пластине печать артели, под землёй тяжело вздохнула магистраль. По Медницкой, по рынку, по всем улицам Клятвограда людям пошло тепло.

Колба в свинцовом ящике стала холодной.

И Мира поняла: станция получила ответ.

Глава 2. Аудитор без рассвета

К девятому часу у двери артели выстроились трое: посыльный палаты, женщина с погасшим обещанием и человек, у которого не было рассвета.

Последнего Мира узнала не по одежде. Серое пальто, тёмные перчатки, дорожная пыль на сапогах — так мог выглядеть любой служащий, которому пришлось пройти Нижние улицы пешком. Но за его плечами утренний свет обрывался ровной вертикальной полосой. Солнце уже поднялось над крышами, золотило вывеску булочной, блестело в лужах, а вокруг незнакомца сохранялся бесцветный час перед зарёй.

Он дождался, пока Мира выдаст посыльному копию вчерашнего уведомления, и только после этого снял перчатку.

На ладони лежал складной хронометр — семь тонких дисков, соединённых общей осью. Шесть показывали настоящее время. Седьмой стоял на четырёх минутах до восхода.

— Ян Корвен, независимый аудитор времени. Мне нужна платная консультация.

Он не протянул жетон первым. Просто раскрыл ладонь так, чтобы Мира сама могла прочитать номер на ободке, не касаясь прибора.

— По какому делу?

— По исчезнувшему рассвету Лиоры Корвен.

Фамилия была знакома каждому, кто хоть раз читал обратную сторону квитанции за тепло. Дом Корвенов владел шестой долей Центральной станции и двумя часовыми хранилищами. Мира перевела взгляд с хронометра на бесцветную полосу за спиной Яна.

— Вашей родственницы?

— Моей матери.

— Тогда это не консультация. Это конфликт интересов у моей двери.

Женщина в очереди шумно вздохнула. Ян чуть отступил, освобождая проход.

— Поэтому я назвал его до того, как вошёл.

— Назвать мало.

— Согласен.

Ответ прозвучал без нажима, и именно это насторожило Миру сильнее заготовленных возражений. Люди, привыкшие к власти, обычно считали спокойствие доказательством своей правоты. Этот человек будто оставлял каждое слово на столе для осмотра.

— Ждите, — сказала она. — Если к полудню останется время, я вас приму.

Она ожидала, что фамилия Корвен откроет дверь хотя бы на ширину ботинка. Ян лишь надел перчатку и отошёл под навес. Бесцветное утро двинулось вместе с ним.

Внутри Зоя уже растапливала среднюю камеру печи. Не топливом — обычной ольховой щепой. После вчерашнего отклика магистрали они перекрыли подземный ввод, и мастерская остыла так быстро, будто стены тоже дали кому-то обещание и нарушили его.

— Корвен, — сказала Мира, снимая плащ.

Нелла выглянула из лаборатории.

— Который?

— Ян. Аудитор времени. У его матери пропал рассвет.

— У Корвенов ничего не пропадает. Оно меняет графу в реестре.

— Именно поэтому он ждёт снаружи.

Зоя прикрыла заслонку.

— Ты собираешься впустить его к образцу?

— Сначала выслушать.

— Это не ответ.

— К образцу — нет. Пока не проверим полномочия, дело матери и его долю в станции.

Сестра кивнула. Между ними с детства существовало это короткое движение: не согласие навсегда, а разрешение сделать следующий шаг и вернуться с фактами.

До полудня Мира очистила два слабых остатка, оформила уничтожение третьего и отказала торговцу, который хотел сжечь обещание приказчика не опаздывать. Приказчик клятвы не давал — расписался под рабочим правилом, не имея возможности спорить. Без добровольно принятой ответственности топлива не возникало, сколько ни переписывая приказ торжественными словами.

Ян всё это время оставался под навесом. Один раз купил у уличной разносчицы горячую воду, второй стакан отдал замёрзшей женщине из очереди. Не пытался заговорить с клиентами. Не заглядывал в окна.

Когда ушла последняя посетительница, Мира открыла дверь.

— Десять минут. В приёмной. Хронометр оставьте на пороге в ящике для опасных приборов.

— Он показывает след.

— Тем более.

Ян отделил остановленный диск от остальных и положил весь прибор в медный ящик. На пороге тень вокруг него дрогнула. В мастерскую он вошёл без своего предрассветного часа, и лицо сразу стало старше: резкие складки у рта, красные от бессонницы глаза, тонкий шрам у виска.

Мира указала ему на стул. Сама осталась стоять. За стеклянной перегородкой звякнула пробирка — Нелла не скрывала, что слушает. Зоя продолжала работать у печи.

— Начните с того, что именно исчезло.

— Семнадцатого дня Пустого месяца моя мать проснулась до света. Рассвет в её спальне не наступил. Не метафорически: временной переход был вырезан между шестым и седьмым часом. Все часы дома сохранили ход, кроме её личного хронометра. Он остановился за четыре минуты до восхода.

— Четыре минуты — не рассвет.

— В обычном времени. Но переход содержит возможность нового дня. Его можно растянуть в стабилизирующей сетке.

Нелла перестала звенеть стеклом.

— Для чего стабилизировать? — спросила Мира.

Ян посмотрел на печь, затем снова на неё.

— Например, топливо, которое должно гореть ровнее своей природы.

Вот зачем он пришёл. Не за консультацией вообще — за вчерашней колбой.

— Откуда вы знаете о находке на Медницкой?

— Не знаю. Знаю о серии из двенадцати временных следов. Они сходятся к топливной магистрали и расходятся по частным адресам. На трёх адресах работали сборщики. Двое сдали остатки Центральной службе учёта. Третий адрес обслуживала ваша артель.

— И вы решили, что образец у нас.

— Я решил спросить, нашли ли вы что-нибудь необычное.

— Уже спросили, назвав мать.

Он принял поправку лёгким наклоном головы.

— Да. Потому что её случай даёт мне право искать украденное время, но не даёт права получать сведения ваших клиентов. Я предлагаю разделить эти дела там, где они пересекаются.

Мира положила перед ним чистую квитанционную пластину.

— Перечислите, что вам известно о станции не как аудитору, а как совладельцу.

Впервые его выдержка дала трещину. Не в голосе — в руке: большой палец провёл по шву перчатки.

— Я не управляю долей семьи.

— Это не то же самое, что не владеть ею.

— Мне принадлежат три сороковых от семейной шестой доли. До смерти матери право голоса передано ей. Сейчас оно заморожено.

— Кем?

— Советом станции. На основании её временной недееспособности.

— Которую станция могла создать.

— Да.

Слово легло между ними тяжелее признания вины. Зоя повернулась от печи.

— И вы остались независимым аудитором? — спросила она.

— Формально. Фактически станция оспаривает каждый мой запрос. Палата времени приостановила доступ к внутренним часам до проверки родства и выгоды.

— Разумно, — сказала Мира.

— Разумно было бы назначить другого аудитора. Палата не назначает.

— Почему?

— Центральная станция даёт городу сорок три процента тепла.

Никто не добавил, что будет, если она остановится. За стеной кашлянула труба ольховой печи. В Нижних улицах даже осенью сырость въедалась в камень, а зимой вода замерзала в кувшинах за одну ночь.

Мира придвинула пластину ближе к Яну.

— Запишите долю, статус права голоса, приостановку доступа и родство с владельцем рассвета. Подпись без клятвенной формулы.

— Вы собираете декларацию интересов?

— Для себя, Зои, Неллы и владельца любого остатка, который может войти в ваше расследование. Если вам это мешает, дверь там.

Ян взял стилус.

— Не мешает.

Он писал разборчиво, не пряча строк ладонью. В конце поставил обычную подпись и отдельно приписал: «Не даёт права изъятия, осмотра или передачи третьим лицам».

Мира прочла дважды.

— Теперь цель заказа.

— Сравнить след на безопасно предоставленной пробе с остановленным диском моей матери. Без доступа к личности давшего клятву и без изъятия образца.

— Кто оплатит?

— Я.

— Не дом Корвенов?

— Нет.

— Не станция?

— Нет.

— Источник денег?

На этот раз он почти улыбнулся.

— Вы всегда так принимаете клиентов?

— Только тех, чья семья может купить улицу вместе с моими долгами.

Улыбка исчезла, но не от обиды.

— Жалованье аудитора и продажа часов из моего личного резерва. Могу приложить выписку.

— Приложите.

Нелла вышла из лаборатории, вытирая руки.

— Сравнение потребует вынести хронометр за соляную черту. Если в нём есть активный след, он может сцепиться с колбой.

— Поэтому образец останется в свинцовом ящике, — сказала Мира. — Сначала пустая проба. Затем соскоб не больше одной волосной доли, если владелица разрешит.

— Владелица? — переспросил Ян.

— Вот граница, господин Корвен. Вы не узнаете имя, адрес и точную формулировку клятвы. Я сама запрошу согласие. Отказ завершит заказ без объяснений.

— Принимаю.

— Ещё нет. Взаимный доступ. Вы показываете полную цепочку временного следа, постановление о вашем отводе и все данные, которые связывают исчезновение рассвета с магистралью. Мы показываем только результаты сравнения. Исходные материалы остаются у владельцев.

— Полную цепочку я не могу вынести из палаты.

— Тогда организуйте просмотр там, с независимым хранителем.

— Станция узнает о запросе.

— Она уже прислала нам фальшивое требование.

Ян поднял глаза.

Мира достала конверт из соляного ящика и положила перед ним, не раскрывая защитной рамки. Он не потянулся к бумаге.

— Можно прочесть?

— Через стекло.

Он наклонился. На словах «имущество станции» линия его рта стала жёсткой.

— Печать настоящая, — сказал Ян.

— Мы знаем.

— Текст составлен на старом бланке службы учёта. Такие отменили два года назад после смены управляющего.

— Ардена Праха?

Теперь дрогнуло уже бесцветное утро за дверью. Хронометр в медном ящике тихо ударил один раз.

— Вы знаете имя управляющего, — сказал Ян.

— Его имя печатают на наших лицензиях. Не переоценивайте семейные тайны.

— Прах лично утвердил отмену бланков. Доступ к запасу имели четыре человека, включая архивариуса и начальника службы.

— А вы?

— Нет.

— Ваша мать?

— До исчезновения рассвета — да.

Зоя негромко выругалась. Если старый бланк вынесли под полномочиями Лиоры Корвен, исчезновение могло быть не только хищением времени, но и способом использовать её имя после того, как она перестала распоряжаться собой.

— Это не доказательство, — сказала Мира.

— Нет. Но основание сохранить конверт отдельно от образца.

— Мы и без вас догадались.

— Не сомневаюсь.

Она не нашла в его ответе ни насмешки, ни попытки присвоить решение. Это раздражало почти так же, как если бы нашла.

С улицы донёсся колокольный бой половины первого. Десять минут давно закончились.

Мира перевернула пластину и написала четыре условия: согласие владельца; независимый хранитель; взаимный доступ к материалам; право любой стороны остановить сравнение до соприкосновения следов. Пятым добавила запрет на передачу результатов станции и дому Корвенов без отдельного разрешения.

— Это не клятва, — сказала она. — Рабочее соглашение. Нарушение влечёт прекращение доступа и обычную ответственность по договору. Никакого осадка.

— Именно этого я и хотел бы.

— Не говорите «именно», пока не прочли мелкий шрифт.

Ян прочёл. Попросил заменить «имущество семьи» на «имущество любого наследственного объединения, где сторона имеет долю». Предложил включить Зою и Неллу в число лиц, способных остановить опыт. Сам добавил, что его отказ раскрыть новый конфликт интересов автоматически прекращает заказ.

Мира следила за правками и впервые видела в нём не фамилию на квитанции. Аудитор проверял договор так, будто рассчитывал однажды оказаться его слабейшей стороной.

— Почему вы носите след матери на себе? — спросила она.

Ян отложил стилус.

— Чтобы он не погас.

— Временной след не гаснет сам.

— Этот стирают. Каждую ночь остановленный диск теряет одну риску. Когда исчезнет последняя, доказать изъятие будет невозможно.

— И вы подпитываете его своими рассветами.

— Да.

Нелла подошла ближе.

— Сколько уже отдали?

— Девятнадцать.

Теперь стало понятно, почему утро не касалось его пальто. Девятнадцать дней Ян просыпался, но не переходил из ночи в день. Его тело продолжало жить, часы шли, однако каждое начало доставалось чужому следу.

— Последствия? — спросила Мира.

— Я не чувствую завершения сна. Не различаю первый свет. Иногда забываю, что событие уже началось.

— И всё равно пришли без сопровождающего.

— Сопровождающий докладывал бы совету семьи.

— Можно нанять человека, который не докладывает.

— Теперь можно, — сказал он и посмотрел на договор.

Мира уловила ловкость этой фразы: он предлагал ей роль, не произнося просьбы. Она подвинула пластину обратно.

— Мы исследуем пересечение следов. Мы не охраняем вас и не ведём ваше расследование.

— Понял.

— Если забудете, что событие началось, перечитайте соглашение.

Он подписал первым. Мира — второй. Затем Зоя и Нелла поставили подписи свидетелей, каждая своим ключом артели. Воск на пластине остался прозрачным. Четыре человека приняли обязанности, но не отдали магии право наказывать их за перемену обстоятельств.

Только после этого Мира открыла медный ящик.

Хронометр лежал там, где Ян его оставил. Седьмой диск всё ещё показывал четыре минуты до восхода. Рядом на меди проступил тончайший янтарный след — не от прибора, а со стороны северной стены.

Из свинцового хранилища ответила вчерашняя колба.

Они находились в разных комнатах, за солью, свинцом и двумя закрытыми дверями. И всё же между ними натянулась линия цвета раннего солнца.

Нелла первой накрыла хронометр стеклянным колпаком. Зоя перекрыла печь, хотя в ней горело только дерево. Мира не двигалась, считая удары.

На седьмом линия раздвоилась. Одна нить тянулась к колбе. Вторая — вниз, под каменный пол, к городской магистрали.

— Теперь вы знаете, что у нас есть необычный образец, — сказала Мира. — Не больше. Ян смотрел не на свинцовую дверь, а на вторую нить.

— А вы знаете, что станция держит рассвет моей матери в топливной сети.

— Мы знаем, что следы реагируют друг на друга. Причину ещё придётся доказать.

— Вы всегда оставляете надежде так мало места?

— Надежда не лабораторный реактив.

— Хорошо. Тогда что дальше?

Мира погасила линию, придвинув соляную пластину между хронометром и полом.

— Вы приносите документы в палату независимому хранителю. Я еду к владелице и спрашиваю разрешение на соскоб. Нелла готовит пустую пробу. Зоя проверяет, не сможет ли магистраль выкачать образец во время сравнения.

— А если владелица откажет?

— Мы уничтожим копии ваших материалов и закончим.

— Даже зная о связи со станцией?

— Её клятва не становится общей собственностью только потому, что преступление крупное.

Ян медленно кивнул.

— Тогда ещё одно раскрытие до того, как вы решите продолжать. Арден Прах предложил мне вернуть рассвет матери, если я подпишу заключение, что след возник из-за неисправности её хронометра.

— Когда?

— Вчера. За час до того, как служба отправила требование вашей артели.

— И вы отказались?

— Я попросил показать рассвет до подписи. Он не показал.

— Это не ответ.

Ян встретил её взгляд.

— Я не подписал. Но не из одной только честности. Я не поверил, что после подписи он вернёт украденное.

Вот это признание Мира приняла. Не красивый образ сына, пожертвовавшего всем ради истины, а расчёт человека, понимавшего цену сделки. Доверию требовалась не безупречность. Ему требовалась проверяемая поверхность.

— Запишите предложение Праха приложением к декларации, — сказала она.

— А потом?

— Потом уйдите через заднюю дверь. Под навесом уже второй раз прошёл один и тот же человек в форме станции.

Ян не обернулся к окну.

— Вы заметили?

— Это моя улица.

Он дописал приложение, передал пластину Мира и забрал хронометр. Когда остановленный диск вернулся на ось, предрассветная тень снова поднялась по его плечам. У задней двери Ян задержался.

— Госпожа Вельская, я не стану обещать, что не подвергну вашу артель опасности. Я уже это сделал, придя сюда.

— Наконец-то полезная фраза.

— Но если обнаружу новую опасность, сообщу до следующего общего действия. Не клятва. Условие договора.

— Добавим при следующей встрече, если она будет.

Он вышел во двор и растворился в узком проходе между мастерской и красильней. Утро ушло вместе с ним, оставив на кирпичях нормальный полуденный свет.

Мира заперла дверь. Зоя уже держала расходную книгу.

— У нас нет денег на аванс Таль, — сказала сестра. — И теперь ты наняла независимого хранителя, пустую лабораторию и неприятности с фамилией Корвен.

— Хранителя оплачивает Ян.

— А всё остальное?

Мира посмотрела на договор. Рядом с четырьмя подписями не было ни одной магической печати, ни одного слова «навсегда». Только границы, которые придётся соблюдать без угрозы огня.

— Всё остальное мы посчитаем до того, как согласимся.

Под полом снова вздохнула магистраль.

На этот раз ей ответил остановленный рассвет, уже удаляясь по переулку.

Глава 3. Тепло для Нижних улиц

Городская магистраль перестала вздыхать в три часа семнадцать минут.

Мира заметила тишину раньше, чем холод. Под мастерской всегда что-нибудь шло: вода, тепло, старые обещания, шаги ремонтников в узких служебных ходах. Даже ночью трубы постукивали, словно город во сне перебирал долги. Теперь под каменными плитами не осталось ни звука.

Зоя подняла голову от расходной книги.

— Перекрыли участок.

— Наш ввод и так закрыт.

— Не ввод. Ветку.

Нелла положила ладонь на северную стену. Медная пластина над лабораторным столом уже покрывалась белёсым налётом.

— Температура падает сразу по всему контуру.

С улицы донёсся первый крик. Потом второй — дальше, со стороны прачечной. Кто-то распахнул дверь булочной, и наружу вывалился пар, слишком густой для обычной печи. Мира подошла к окну. На перекрёстке гасли один за другим сигнальные огни тепловых колодцев: зелёный, жёлтый, красный, чёрный.

Чёрный означал не нехватку. Полное прекращение подачи.

— Центральная не имеет права отключать жилую ветку без предупреждения, — сказала Нелла.

Зоя уже снимала со стены ключи.

— Право сейчас никого не согреет.

Они вышли на Медницкую втроём. Холод полз от мостовой вверх, забирался под юбки и в рукава. Был только конец осени, но Нижние улицы строили в низине, где камень круглый год держал сырость. Без магистралей квартал остывал быстрее пустой печи.

У теплового колодца собрались жильцы двух домов. Дворник налёг на решётку ломом, хотя вскрывать городской узел разрешалось только станции. У прачечной хозяйка выносила на улицу мокрые простыни: внутри замерзал выпускной клапан, и пар мог разорвать трубы.

— Где аварийщики? — спросила Мира.

— Диспетчер говорит, заявка не зарегистрирована, — ответил дворник. — Будто у нас всё горит.

Мира присела у решётки. На чугунном ободе светилась свежая пломба Центральной станции. Не аварийная красная, а синяя учётная. Ветку перекрыли намеренно и оформили как пересчёт расхода.

На пломбе стояло время: три часа двенадцать минут.

Пять минут до того, как магистраль замолчала.

— Зоя, сколько у нас дерева?

— На одну комнату до утра. Если разобрать ящики — на две.

— Слабые остатки?

— После утренней очистки три. Все с разрешением на уничтожение, ни одного — на обогрев чужого дома.

Это различие казалось издевательством, пока не приходилось жить с его последствиями. Разрешить уничтожить собственный осадок значило отказаться от опасной вещи. Разрешить сжечь его ради тепла значило согласиться навсегда утратить часть языка, которым когда-то связывал себя с другим человеком.

Из дома напротив выбежала девочка без шапки.

— Госпожа Вельская! У нас бабушка не просыпается.

Мира узнала Лею Таль.

За ней появилась мать, та самая женщина, которой артель задолжала аванс. Госпожа Таль держала на плечах старое одеяло и пыталась отдышаться.

— Она спала после лекарства, — сказала женщина. — Комната уже ледяная. Мира, вы можете открыть колодец?

— Открыть могу. Подать в него нечего.

Госпожа Таль посмотрела на неё без просьбы и без обвинения. От этого становилось хуже.

В дальнем конце улицы лопнула труба. Хлопок прокатился между домами; из окна первого этажа выплеснулось облако пара, сразу превратившееся в колючий туман. Люди закричали. Зоя сунула связку ключей Мире.

— Веди их в мастерскую. Я перекрою воду.

— Одна не ходи.

— Я родилась на пять лет раньше тебя не для того, чтобы ждать разрешения.

Нелла уже бежала за ней с сумкой клапанов. Мира проводила их взглядом и заставила себя повернуться к жильцам.

— Все, у кого дети, пожилые или больные, — в артель. Остальные несите одеяла, сухое дерево и кирпич. Не жгите клятвы в домашних печах. Если увидите янтарный налёт на трубе, не трогайте руками.

— А станция? — спросил кто-то.

— Станция знает, что сделала.

Она сорвала синюю пломбу и открыла решётку. Из колодца пахло металлом и пустотой. Запорный диск был опущен со стороны центрального узла. На его внутреннем ребре темнела надпись, нанесённая свежей краской: «Проверка неучтённого расхода. Возобновление после допуска инспектора».

Инспектор должен был прийти к ним.

Мира выпрямилась. За спиной госпожа Таль прижимала Лею к себе, словно уже исполняла обещание, которого никогда не произносила.

К четырём часам в артели находились двадцать семь человек. Зоя вернулась с обожжённой рукавицей и сообщила, что прачечную спасли, но западный дом лишился воды. Нелла развесила на стене карту ветки и отмечала мелом комнаты, где температура падала быстрее всего.

Ольховая печь не справлялась. Люди сидели на полу, теснились у стен, передавали друг другу кружки с горячей водой. Бабушка Леи лежала в лаборатории на столе, укрытая плащами. Дышала она редко и неглубоко.

Мира отправила три записки: в аварийную службу, городскую управу и палату сборщиков. Две вернулись с одинаковой печатью: «Центральная станция проводит проверку». Третья не вернулась вовсе.

В пять появился инспектор.

Он пришёл не один. Двое служащих станции остались снаружи, встав по обе стороны двери. На синем воротнике инспектора блестел знак службы учёта — тот же, что на вчерашнем поддельном требовании, только новый.

— Сборщица Вельская?

— Представьтесь жильцам, которых вы отключили.

Он поморщился.

— Старший инспектор Гарн. Отключение автоматическое. В вашей ветке обнаружен неучтённый источник обратной тяги.

— В три двенадцать источник сам поставил синюю пломбу?

— Вы сорвали городскую пломбу?

— Чтобы установить причину аварии.

Гарн оглядел мастерскую. Его взгляд задержался на свинцовой двери хранилища.

— Допуск к ветке будет восстановлен после осмотра и передачи вещества с номером партии ЦТ-В-4417.

Нелла у карты перестала писать. Зоя медленно сняла обожжённую рукавицу.

Мира не спросила, откуда инспектор знает номер. Она просто достала копию вчерашнего требования и положила на стойку.

— Вчера ваше ведомство утверждало, что этот образец — имущество станции. Сегодня вы называете его неучтённым источником. Какое из заявлений внести в протокол?

— Я не уполномочен обсуждать старые бланки.

— Зато уполномочены заморозить квартал.

— Ветка будет включена, когда опасное вещество окажется у специалистов.

В лаборатории закашляла бабушка Леи. Гарн посмотрел туда, но голос не изменился.

— Ответственность за хранение промышленного топлива в жилом квартале несёте вы.

— Промышленного? — переспросила Мира. — Значит, станция признаёт обработку?

Инспектор понял ошибку. На секунду его лицо стало пустым.

— Передайте колбу. У вас десять минут.

— А потом?

— Температура в магистрали опустится ниже порога безопасного запуска. Ветку придётся продувать до утра.

— Вы уже опустили её ниже порога.

— Девять минут.

Зоя шагнула к нему, но Мира подняла руку. Не останавливая сестру — напоминая, что сейчас каждое действие увидят двадцать семь свидетелей.

— Господин Гарн, — сказала она, — вы предлагаете обменять принадлежащий женщине остаток на тепло для её дома. Оформите предложение письменно. Укажите, что отключение продолжится при отказе.

— Я ничего не предлагаю. Исполняю правила безопасности.

— Тогда напишите правило и основание.

Он закрыл футляр с документами.

— Восемь минут.

Когда дверь за ним захлопнулась, мастерская наполнилась голосами.

— Отдайте им проклятую колбу!

— Она ведь одна!

— У меня младенец дома!

— А если там зараза?

Госпожа Таль не сказала ничего. Она стояла рядом с дочерью и смотрела на Миру.

— Колба ваша, — сказала Мира, перекрывая шум. — Решение тоже ваше. Станция не получила права только потому, что создала опасность.

— Если отдам, они включают тепло?

— Они это сказали. Письменно подтвердить отказались.

— А если сжечь здесь?

Мира почувствовала, как Зоя поворачивается к ней.

— Тогда образец даст тепло. Возможно, достаточно, чтобы прогреть ветку и запустить естественную тягу. Но вы навсегда потеряете способность обещать то же, что обещал ваш муж.

Лея подняла голову.

— Что он обещал?

Госпожа Таль закрыла глаза.

В первой главе Мира не произносила формулу при ребёнке. Теперь скрыть её значило бы позволить взрослым решить цену за Лею, оставив ей только последствие.

— Он обещал никогда не оставить семью, — сказала Мира.

Девочка долго молчала.

— Но он оставил.

— Да.

— Если мама сожжёт, папа не сможет такое пообещать снова?

— Остаток принадлежит не только его голосу. После обработки он сцепился с вашей матерью — с той, кому обещали и кто продолжала держать для него место. Сгорит возможность вашей мамы принять или повторить обещание о такой защите.

Госпожа Таль вздрогнула.

— Вы говорили, теряет тот, кто клялся.

— Так должно быть у обычного осадка. Этот возвращали под ваш пол и пропустили через магистраль. Он смешан с вашим ожиданием. Я не знаю точной границы ущерба.

— Значит, вы не знаете, что со мной будет.

— Не знаю.

В мастерской стало тихо. Честность редко успокаивала людей. Она только возвращала им право бояться настоящей опасности.

Нелла подошла к Мире и заговорила негромко:

— В малой камере можно снять оболочку рассвета и сжечь сердцевину. Если начнётся обратная тяга, я закрою стекло.

— Тогда весь жар ударит в мастерскую.

— На три минуты. Зоя сможет направить его в ветку.

— Смогу, — сказала Зоя. — Но решение Таль не становится безопасным оттого, что мы умеем держать щипцы.

Госпожа Таль присела перед дочерью.

— Лея, послушай. Я хочу, чтобы ты пошла с соседкой в дальнюю комнату.

— Нет.

— Я должна решить.

— Тогда я должна слышать.

В этих словах не было детской дерзости. Лея смотрела так же, как её мать смотрела на закрытую дверь станции: не имея власти, она отказывалась ещё и исчезнуть.

Госпожа Таль обняла её.

— Если я не смогу больше сказать, что всегда тебя защищу, это не значит, что я перестану защищать.

— Тогда не говори «всегда».

У Миры перехватило дыхание. Простое решение девочки не отменяло магии. Оно обнажало её ложь: будто забота существует лишь там, где человек заранее отдаёт будущему право судить настоящее.

Снаружи инспектор ударил в дверь.

— Пять минут!

Госпожа Таль встала.

— Не отдавайте им колбу. Сожгите здесь. Но запишите: это не подарок станции и не согласие с их правом. Тепло — людям на улице. Если останется хоть капля, сохраните для доказательства.

— Я обязана спросить ещё раз, — сказала Мира. — Вы понимаете, что можете лишиться способности дать дочери обещание о защите — возможно, любое похожее обещание?

— Понимаю.

— Решение можно отменить, пока камера не закрыта.

— Тогда закрывайте, пока я не струсила.

— Страх не делает решение слабее.

Мира принесла немагический бланк согласия. Прочла вслух каждую строку. Госпожа Таль попросила заменить «добровольно передаю» на «разрешаю аварийное использование под моим правом собственности». Нелла вписала обязанность сохранить золу. Зоя — точный адрес ветки, куда должно уйти тепло. Лея поставила рядом маленькую подпись свидетеля, хотя закон её не требовал.

Колбу вынесли из хранилища в шесть часов две минуты.

Она была тёплой. Внутри янтарный осадок поднимался по стеклу тонкими лентами, словно услышал собственную формулу и захотел вернуться к голосу. Номер ЦТ-В-4417 светился ярче клейма.

Нелла закрепила колбу над малой камерой. Зоя открыла аварийный канал к городской ветке и поставила между печью и трубой три глиняных затвора. Мира надела маску сборщика.

— Последняя возможность отказаться, — сказала она.

Госпожа Таль взяла Лею за руку.

— Используйте.

Мира сломала горлышко.

Обычный остаток падал тяжёлой каплей. Этот вытянулся нитью и попытался уйти вниз, сквозь камень, к магистрали. Мира поймала его серебряной вилкой и завернула в соляную сетку. Нить завизжала голосом металла по стеклу.

На улице одновременно загудели трубы.

— Тянут! — крикнула Зоя.

— Закрывай обратный!

Первый затвор захлопнулся. Второй задрожал. На третьем проступил знак станции — круг, рассечённый вертикальной чертой. Кто-то с центральной стороны действительно открыл всасывание, рассчитывая забрать образец, как только защиту снимут.

Нелла прижала к колбе пластину пустой пробы. Янтарная оболочка вспыхнула бледным светом рассвета. На мгновение мастерская стала комнатой за четыре минуты до утра: лица поблекли, огонь в ольховой печи застыл, а люди забыли вдохнуть.

— Сейчас! — сказала Нелла.

Мира опустила сердцевину в камеру.

Клятва загорелась не пламенем, а смыслом.

Каждый в комнате услышал одно и то же по-разному. Мира — «я не уйду, даже если ты попросишь». Лея — «тебе никогда не придётся бояться». Госпожа Таль — «ты можешь не выбирать, я уже выбрал за нас». Красивые слова раскрылись всеми краями, которыми могли ранить.

Зоя сорвала третий затвор и направила жар в аварийный канал.

Медные трубы ударили так, что со стены посыпалась известь. По карте Неллы побежала янтарная линия: мастерская, перекрёсток, прачечная, западный дом, дом Таль. На каждом ответвлении свет задерживался, будто спрашивал, кому именно принадлежит спасение.

— Не называй людей! — крикнула Мира. — Только адреса!

Зоя перечисляла номера домов. Нелла удерживала оболочку рассвета над пустой пробой. Мира видела, как центральная тяга дёргает её руки к полу.

Снаружи Гарн приказал открыть дверь.

Никто не открыл.

Тепло пошло по ветке.

Сначала зашипели трубы прачечной. Затем в доме напротив кто-то закричал, что нагрелся стояк. В лаборатории бабушка Леи сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Клятва в камере сжималась. Вместе с ней тускнел голос, который столько лет жил под полом чужого дома. Последнее «навсегда» лопнуло без звука.

Госпожа Таль пошатнулась.

— Мама? — Лея обхватила её за талию.

Женщина опустилась на колени. Потрогала лицо дочери обеими руками, проверяя, что оно настоящее.

— Я... — начала она. — Я тебя...

Губы двигались, но фраза не складывалась.

— Что?

— Я буду рядом. Сегодня. Пока смогу. Если тебе это нужно.

Каждое предложение далось ей отдельно. Простые слова проходили. Стоило госпоже Таль попытаться сказать «защиту», горло смыкалось, словно внутри поворачивался ключ.

Она поняла раньше остальных.

— Я не могу.

Лея прижалась к ней.

— Ты уже сказала по-другому.

Но госпожа Таль плакала. Не потому, что перестала любить дочь. Потому что чужое нарушенное слово, переработанное в полезный товар, выжгло часть её собственного будущего языка.

Мира сняла маску. В малой камере осталась горсть серой золы и тонкая янтарная скорлупа, которую Нелла успела запечатать в пустой пробке. Доказательство сохранилось. Цена тоже.

Зоя закрыла аварийный канал.

— Ветка держится, — сказала она. — Часа три. Может, четыре.

Инспектор снова ударил в дверь, теперь кулаком.

Мира открыла.

За его спиной сигнальные огни теплового колодца поднимались от чёрного к красному, от красного к жёлтому. Люди на улице встречали каждый цвет возгласом.

Гарн увидел пустую колбу на столе.

— Вы уничтожили собственность станции.

— Мы использовали собственность госпожи Таль по её письменному разрешению для аварийного обогрева отключённой вами ветки.

— Вы признаёте несанкционированное сжигание?

— Я признаю, что двадцать семь свидетелей видели ваш отказ письменно обосновать отключение. Зола опечатана владельцем. Оболочка — независимым аналитиком. А на затворе остался след вашей обратной тяги.

Инспектор посмотрел на карту, на людей, на Лею и её мать. В его глазах впервые появилось не сомнение, а расчёт ущерба.

— Ваша лицензия будет приостановлена.

— Тогда оформите это новым бланком.

Он ушёл, не ответив. Служащие станции последовали за ним. У теплового колодца один из них наклонился к пломбе, но жилы сомкнулись вокруг решётки и молча смотрели, пока он не выпрямился.

Мира вернулась в мастерскую.

Госпожа Таль сидела возле ольховой печи. Лея грела ей руки. Бабушка уже могла пить воду. Остальные расходились по домам, унося кирпичи, нагретые аварийным жаром.

— Я должна была найти другой способ, — сказала Мира.

Зоя встала рядом.

— За девять минут?

— До этих девяти минут. Когда взяла колбу. Когда оставила её здесь. Когда решила, что хранение — нейтральный выбор.

— Не делай из вины нерушимую клятву, — тихо сказала сестра. — Она тоже любит буквальность.

Нелла поставила перед Мирой две запечатанные ёмкости: золу и янтарную оболочку.

— Теперь мы знаем три вещи. Станция умеет тянуть обработанный осадок через магистраль. Рассвет удерживает его от распада. И после сжигания ущерб достаётся не обязательно тому, кто обещал.

— Четыре, — сказала Мира. — Они готовы отключать улицы ради одной колбы.

— Значит, колба им нужна была не как улика.

Мира посмотрела на госпожу Таль. Женщина говорила дочери короткими, осторожными фразами, проверяя каждую на проходимость. Сегодня она могла сказать «я здесь». Завтра — возможно, «позови меня». Ни одна из этих фраз не обещала вечности. Ни одна не возвращала отнятую возможность.

Под полом магистраль снова ожила. Но теперь Мира слышала в её ровном гуле не тепло, а множество голосов, сожжённых так далеко от своих владельцев, что никто не видел момента утраты.

Она достала чистую квитанционную пластину.

В графе «вид топлива» написала: «Промышленно обработанный остаток семейной клятвы».

В графе «полученная энергия»: «Три-четыре часа тепла для одной ветки».

В графе «цена» места не хватило.

Мира перевернула пластину и продолжила на обороте.

Глава 4. Артель трёх ключей

К семи утра тепло в Нижних улицах снова стало чужим.

Три часа, добытые из клятвы госпожи Таль, закончились почти точно по расчёту Неллы. Магистраль под мастерской остыла, но Центральная станция включила минимальную подачу: ровно столько, чтобы трубы не лопнули и никто не мог назвать происходящее аварией. В комнатах сохранялось дыхание, а не жизнь.

Мира сидела за рабочим столом и переписывала квитанцию в третий раз. В графе «цена» по-прежнему не помещалось главное. Можно было записать утрату речевой формулы, переход ущерба к адресату, часы тепла, двадцать семь свидетелей. Нельзя было записать, как Лея подсказывала матери новые слова вместо отнятых.

Зоя сняла с крюка связку ключей и положила её на стол.

— Твой.

Медный ключ от хранилища лёг возле левой руки Миры.

— Мой.

Железный ключ от печной заслонки — возле правой.

— Неллин.

Стеклянный ключ лабораторного шкафа звякнул между ними.

— Что ты делаешь?

— Напоминаю устройство артели. После того как ты одна решила оставить промышленную колбу у нас, полезно.

Мира подняла взгляд. Зоя не повышала голоса. Это было хуже: гнев у неё всегда проходил через руки, и теперь пальцы сестры лежали на столе неподвижно.

— Я не одна решила. Вы обе согласились продолжить сравнение.

— После того как колба уже оказалась в нашем хранилище и станция знала адрес.

Нелла вошла из лаборатории с двумя опечатанными коробами. Она успела сменить обожжённые перчатки, но на запястье осталась красная полоса от обратной тяги.

— Если вы собираетесь выяснять, кто когда мог остановиться, — сказала она, — начните с меня. Я предложила снять оболочку и сжечь сердцевину.

— А я открыла канал, — отозвалась Зоя. — Поэтому и кладу все три ключа.

Она придвинула к Мире чистый лист устава.

— Один человек больше не принимает опасный остаток, не вскрывает его и не подключает к городской трубе. Два ключа для хранения. Три — для огня. И любой ключ может остановить работу.

— Даже если на улице мёрзнут люди?

— Особенно тогда. Иначе страх всегда будет четвёртым ключом, который поворачивают за нас.

Мира посмотрела на железный ключ. Вчера Зоя держала им заслонку, пока медь выгибалась от жара. Сегодня она предлагала не утешение, а ограничение собственной власти.

— Записывай, — сказала Мира.

Нелла села рядом. Они спорили о каждом глаголе. «Запрещается» заменили на «требуется согласия», потому что запрет не объяснял процедуру. «Единогласно» дополнили правом каждой назвать причину после остановки, а не до неё. Мира настояла, чтобы отказ не уменьшал долю в заработке. Зоя добавила: в аварии решение пересматривают каждые десять минут, и молчание не считается согласием.

Когда под текстом появились три подписи, ключи вернулись на крюки. Только теперь Мира заметила четвёртый предмет на столе — пачку серых бланков, перетянутую станционной нитью.

— Откуда?

— Жильцы принесли, пока ты оформляла показания, — сказала Зоя. — После вчерашнего люди решили проверить, что именно подписывали поставщикам станции.

На верхнем листе значилось: «Добровольное отчуждение осадка бытового обязательства». Подпись принадлежала дворнику с Медницкой. Печать подтверждала, что формулу прочли вслух, последствия объяснили, право отказа сохранили.

— Он читать умеет? — спросила Мира.

— Умеет. Только этого листа никогда не видел.

Нелла разложила бланки веером. Девять подписей, девять адресов, пять сборщиков. Все согласия заверял один свидетель — служащий Центральной станции Орен Лат.

— Подписи похожи, — сказала Мира.

— Они настоящие, — ответила Нелла. — В том и неприятность.

Она достала письмо дворника: заявление на починку теплового ввода двухлетней давности. Его подпись совпадала с подписью на согласии до последней петли.

— Скопировали?

— Не чернила. Нажим.

Нелла положила лист под косой свет. Бороздки букв уходили в бумагу, но чернила лежали в них неравномерно: тёмные на подъёме пера, бледные там, где рука должна была давить сильнее.

— Сначала на лист перенесли рельеф подписи, потом залили составом, который течёт против уклона. Настоящий человек оставляет нажим и чернила одним движением. Здесь между ними прошло время.

Зоя взяла второй бланк.

— Станция хранит тысячи заявлений с подписями.

— И может получать новые согласия из старых просьб, — сказала Мира.

За дверью мастерской кто-то кашлянул. Все трое замолчали. После угрозы Гарна обычный звук в коридоре превратился в предупреждение.

Мира открыла дверь. На пороге стоял Ян Корвен. В одной руке он держал хронометр матери, в другой — бумажный пакет с хлебом. За его плечом серел вечный предрассветный час.

— Я постучал дважды.

— Мы слышали один раз.

— Первый был тише. Решил, что после вчерашнего громкие требования вам ни к чему. Он не шагнул через порог.

Мира отметила это с раздражением: ей хотелось не замечать поступок, который отвечал точно названной границе.

— Зачем пришли?

— Палата получила уведомление станции о вашем несанкционированном сжигании. Я принёс копию и предложение оплатить представителя.

— Из семейных денег станции?

— Из моего жалованья аудитора. Без условия продолжать совместную работу.

— Предложение запишите. Мы рассмотрим втроём.

Ян кивнул и протянул конверт, не входя. Его взгляд остановился на серых бланках.

— Форма двадцать восемь? Её отменили четыре года назад.

— Откуда знаете?

— Подпись владельца здесь признавалась разрешением и на изъятие, и на сжигание. После дела на Соляной набережной эти согласия разделили.

Нелла подняла верхний лист.

— Бумага новая.

— Тогда кто-то печатает старую форму сейчас.

— Войдите, — сказала Мира. — Только как свидетель происхождения формы. Исследование остаётся нашим.

— Понял.

Ян положил пакет с хлебом у двери, не превращая его в подарок, за который следовало благодарить. Нелла выдала ему чистые перчатки и посадила у дальнего края стола.

Проверку провели по правилу трёх ключей, хотя оно ещё пахло свежими чернилами. Мира зарегистрировала каждый лист и адрес. Зоя сверила номера тепловых вводов с ремонтной книгой квартала. Нелла взяла микрососкобы бумаги и заливки. Ян отвечал только на вопросы о старой форме.

Первое несовпадение нашла Зоя.

— Дом двенадцать получил новый ввод прошлой весной. В согласии указан старый номер узла.

— Подпись взяли из заявления до ремонта, — сказала Мира.

— Смотрите остальные.

У четырёх домов номера также соответствовали времени старых обращений, а не датам якобы выданного согласия. Поддельватели не просто копировали подписи. Они брали целые связки сведений из архивных заявлений и переносили их в новые договоры.

Нелла тем временем нагрела крошечный соскоб над холодным пламенем. Бумага не потемнела. На стекле выступили три крупинки медного цвета.

— Пыль?

— Ключевой сплав, — сказала она. — Бумагу прижимали к металлической матрице. Медь, сурьма и немного рассветного стекла.

Ян перестал крутить хронометр.

— Рассветное стекло используют в копировальных барабанах архива времени. Оно удерживает последнее движение пера.

— Где стоят такие барабаны?

— В палате, в двух банках и в договорном цехе Центральной станции.

— Удобно, — сказала Зоя. — Три места, одно из которых принадлежит вашей семье.

— Поэтому моё слово не сужает список, — спокойно ответил Ян. — Проверьте сплав.

Мира ожидала защиты, оправдания или хотя бы обиды. Он предложил проверяемое действие.

Нелла принесла оболочку рассвета, сохранённую после сжигания колбы Таль, но не вскрыла короб. Поднесла стекло к запечатанному образцу. Медные крупинки на предметной пластине вытянулись в короткую линию — такую же, какую вчера след осадка провёл к магистрали.

— Родственный материал, — сказала она. — Не обязательно одна партия, но одна технология очистки.

Зоя раскрыла ремонтную книгу.

— У нас есть даты заявлений. Есть старые номера узлов. Если станция создавала согласия позже, чем менялись вводы, можно установить период изготовления.

Они работали два часа. Холод пробирался через стены; хлеб так и лежал у двери. Из девяти бланков семь опирались на заявления, поданные в течение одной недели перед большим ремонтом магистрали. Поддельные согласия появились якобы в разные годы, однако бумагу отрезали одним ножом: на нижнем крае повторялся крошечный излом.

В восьмом документе подпись была перенесена плохо. Вместе с нею матрица удержала край фразы со старого заявления: «прошу не отключать».

На согласии виднелись только верхушки букв. Нелла пропустила по бороздкам дым холодной соли, и скрытая строка выступила целиком.

Прошу не отключать отопление до возвращения дочери.

Ниже чужой машинной рукой было напечатано: добровольно передаю остаток клятвы о возвращении дочери и разрешаю его полное сжигание.

Зоя отодвинула лист, будто он обжёт её.

— Они делали согласие из просьбы не лишать человека тепла.

— И выбирали заявления, где уже была формула обязательства, — сказала Мира. — Ремонт, отсрочка платежа, поиск пропавшего. Всё, ради чего человек соглашался отвечать будущим.

Ян смотрел на проступившую строку.

— Архив времени хранит движение пера, но не должен передавать его без судебного распоряжения.

— А договорный цех станции получает копии заявлений на ремонт законно, — сказала Нелла.

Мира разложила документы по адресам. На обороте каждого был едва заметный ряд точек. Раньше она приняла его за волокна бумаги, но теперь увидела ритм: четыре, четыре, одна; четыре, четыре, две.

— Дозировочные номера.

Она принесла пустую колбу ЦТ-В-4417. На клейме вокруг цифр шли такие же группы точек. Зоя приложила к нему прозрачную ремонтную линейку. Последний бланк совпал с первыми тремя группами номера колбы.

Это ещё не доказывало, что в колбе Таль сожгли именно клятву владельца бланка. Доказывало другое: согласия и топливные ёмкости размечали одним производственным шаблоном.

Материальный след больше не зависел от признания Гарна, памяти свидетеля или семейного слова Корвена.

Мира составила акт. Владелец каждого бланка сохранял право отозвать его из проверки. Оригиналы оставались в артели под двумя ключами; палате передавали снимки рельефа без адресов, станции — ничего. Ян подписал только пояснение об отменённой форме и перечень мест, где использовалось рассветное стекло.

— Представителя мы оплатим сами, — сказала Мира, когда он закончил.

— У вас есть деньги?

— Нет.

— Тогда это не план.

— А ваше предложение может стать способом купить влияние, даже если вы не собираетесь его покупать.

Ян подумал и забрал лист с предложением.

— Я могу перечислить деньги в независимую кассу защиты ремесленников без указания вашего дела.

— Можете. Но не сообщайте нам сумму.

— Согласен.

Он ушёл, оставив хлеб там, где положил. Зоя подняла пакет.

— Это тоже влияние?

— Это хлеб.

— Хорошо. Влияние у нас закончилось ещё ночью.

Они ели стоя, над разложенными копиями чужих просьб. В девять сорок две в дверь просунули уведомление палаты: лицензия Миры временно приостановлена до разбирательства.

Мира прочла его и передала сёстрам по артели.

— Без лицензии мы не можем брать новые остатки.

— Зато можем исследовать уже принятые документы, — сказала Нелла.

— И чинить печи, — добавила Зоя. — Моя лицензия действует.

Мира посмотрела на три ключа. Ещё утром ей казалось, что артель держится на её праве принимать решения и её имени над дверью. Теперь её право отняли одним листом, а работа не остановилась.

— Тогда меняем вывеску, — сказала она.

Зоя прищурилась.

— На какую?

— «Артель трёх ключей». Пока временно.

— Никаких «временно», если ты собираешься командовать единолично.

Нелла взяла новый лист и написала три имени в одну строку.

Под полом город гудел на минимальной подаче. Где-то в Центральной станции старые просьбы превращали в новые согласия, а человеческий страх — в законный вид топлива. Но теперь у Миры была не только зола после преступления.

У неё был способ изготовления.

И две женщины, чьё право повернуть ключ больше не зависело от её разрешения.

Глава 5. Квитанция на невозможное

К полудню новая вывеска ещё сохла, а старая работа уже стала незаконной.

Слово «Вельская» Зоя покрасила первой. Не из злости — буквы потрескались, и тёмная краска легла в трещины ровнее, чем на остальную доску. Ниже Нелла вывела: «Артель трёх ключей». Под названием оставили три строки: ремонт печей, анализ остатков, договорная помощь. «Сбор клятв» пришлось закрыть медной планкой.

Мира смотрела из окна, как сестра прибывает планку, и считала удары. На седьмом в дверь вошла госпожа Таль.

Она держала квитанцию обеими руками. Лея ждала снаружи, рядом с Зоей, и собирала в карман щепки от старой вывески.

— Мне сказали, вы больше не можете платить аванс, — произнесла госпожа Таль.

После сожжённой клятвы речь давалась ей странно. Она могла назвать действие, срок, сумму. Но стоило словам приблизиться к защите дочери, как голос становился тише, будто воздух перед ней превращался в стекло.

— Мы должны вам восемь серебряных, — сказала Мира. — Приостановка лицензии долга не отменяет.

— Я пришла не за ними.

Квитанция была выдана не артелью. Серый лист, дешёвая синяя рамка, точечный номер у нижнего края. В графе «предмет обязательства» значилось: «Обеспечить отсутствие болезни у несовершеннолетнего члена семьи сроком на один календарный год». Ниже стояла сумма — двенадцать серебряных при подписании и ещё восемь после нарушения.

— Где вы это взяли?

— Муж подписал за три недели до ухода. Я нашла в его зимнем пальто, когда искала старые расписки.

Мира перечитала формулу. Обеспечить отсутствие болезни. Не ухаживать, не купить лекарство, не вызвать врача. Отвечать за то, над чем человек не имел власти.

— Лея болела в тот год?

Госпожа Таль кивнула.

— Простудилась через четыре дня. Он получил вторую выплату. Тогда сказал, что это помощь от смены. — Она провела пальцем по строке. — Потом стал брать ночные дежурства. Потом ушёл.

Мира позвала Неллу. Та не прикоснулась к листу, пока не принесла журнал приёма и не спросила разрешения на исследование.

— Сохранить бумагу целой? — уточнила она.

— Да.

— Передавать снимки палате?

Госпожа Таль посмотрела в окно на дочь.

— Без имени Леи.

Нелла записала границу дословно. Мира поставила первый ключ на стол, Нелла — второй. Для холодного анализа двух было достаточно.

На обороте квитанции проступала знакомая сетка от металлической матрицы. Но подпись мужа Таль не переносили: нажим и чернила совпадали. Он действительно держал перо.

— Значит, часть договоров настоящая, — сказала Нелла.

— Настоящая подпись не делает возможным предмет договора.

— Зато делает осадок сильнее. Он понимал слова, получил деньги и принял ответственность.

Госпожа Таль услышала.

— Он продал болезнь дочери?

Мира подняла глаза.

— Нет. Он продал уверенность, что не сможет её предотвратить. Болезнь никто не покупал.

— Для печи есть разница?

Ответить «есть» было бы утешением, а не правдой.

— Для печи — почти никакой.

Госпожа Таль сложила руки на коленях. Мира ждала обвинения ушедшему мужу, станции, себе. Но женщина спросила:

— Сколько стоило тепло из его слова?

Нелла поднесла квитанцию к холодной линзе. Синие чернила рамки поглотили свет, а номер вспыхнул янтарными точками.

— Достаточно, чтобы нагреть один дом на два дня. Может, три. Зависит от очистки.

— Ему заплатили двадцать серебряных.

Двухдневное тепло для доходного дома продавали за сто двадцать.

Госпожа Таль не просила обещать, что виновных накажут. Она уже знала цену обещаниям.

— Найдите остальных, — сказала она. — Если сможете.

— Мы сделаем всё, что разрешает закон, — начала Мира и остановилась. Фраза была гладкой, но пустой. Закон только что закрыл её имя медной планкой.

Она попробовала снова:

— Сегодня мы установим, кто выдавал такие квитанции. Завтра в десять я сообщу вам результат, даже если результата не будет.

Ограниченное обязательство легло между ними без жара. Срок, действие, возможность честно назвать неудачу.

Госпожа Таль кивнула.

После её ухода Зоя занесла вывеску и увидела лист.

— Ещё одно согласие?

— Квитанция. За невозможную клятву платили заранее.

Зоя прочла формулу и выругалась так буднично, словно обнаружила трещину в заслонке.

— Болезнь ребёнка. Они даже не ждали редких бед.

— Им не нужны редкие. Им нужны предсказуемые нарушения.

Нелла наложила прозрачную линейку на точечный номер. Первые группы совпали с производственным шаблоном колбы Таль, последние обозначали не ёмкость, а договорную смену.

— Четыре-четыре — цех. Следующие две — стол. Последняя группа, вероятно, номер партии.

— У нас девять поддельных согласий и одна настоящая квитанция, — сказала Зоя. — Как это приводит к остальным?

Мира достала ремонтную книгу квартала.

В старых заявлениях, из которых станция краля подписи, были не только адреса. На каждом стояла отметка о льготе: отсрочка, аварийный ремонт, помощь многодетной семье, розыск жилья. Все заявители в момент обращения нуждались в тепле или деньгах. Договорный цех уже знал, к кому прийти с платным обещанием.

— Они использовали очередь помощи как список поставщиков, — сказала Мира.

— Предположение, — напомнила Нелла.

— Проверяемое. Квитанция Таль датирована через два дня после заявления на отсрочку.

Зоя раскрыла книгу на другом адресе. Восемь дней между просьбой о ремонте и якобы добровольным согласием. Ещё один — три дня. У семи из девяти интервалы не превышали двух недель.

— Архив квартала хранится в управе, — сказала Зоя. — Туда тебя без лицензии не пустят.

— Ремонтную книгу ведёшь ты.

— Она показывает наши заявки, а не выплаты станции.

Нелла повернула квитанцию к окну.

— Здесь водяной знак кассы взаимопомощи. Станция не платила напрямую. Она проводила деньги как пособие.

Касса находилась на первом этаже старой соляной биржи, между ночлежным домом и конторой похоронной артели. Её окна защищали решётки, хотя внутри редко хранилось больше двадцати серебряных. Деньги приходили утром и к вечеру расходились по рукам тех, кому не хватало на уголь, лекарства или похороны.

Мира могла прийти как частное лицо. Но частному лицу не показали бы реестр выплат. Ян мог запросить его как аудитор времени, однако след пока касался денег и клятв, а не украденных часов. Обращение к нему сразу превращало полезность мужчины в власть над расследованием.

— Пойдём втроём, — решила она. — Зоя — как мастер, чьи ремонтные заявки использовали. Нелла — как эксперт владельца квитанции. Я — как представитель госпожи Таль.

— А если спросят лицензию? — спросила Зоя.

— Покажу уведомление о приостановке. Оно запрещает сбор и сделки с осадком, а не чтение бумаги.

— Пока Гарн не допишет от руки.

Они оставили оригинал под двумя ключами и взяли увеличенный снимок. На дверь повесили объявление: «До четырёх часов принимаем только печной ремонт». Мира уже спускалась по ступеням, когда заметила Яна на другой стороне улицы.

Он не караулил мастерскую. Стоял в очереди у передвижной кухни и держал две жестяные миски. Предрассветный свет вокруг него делал пар голубым.

Увидев их, Ян вышел из очереди.

— Представитель согласился вести дело артели, — сказал он. — Деньги поступили в кассу защиты без указания плательщика и назначения.

— Вы знаете, сколько она получила? — спросила Мира.

— Знаю, сколько перечислил я. Не знаю, сколько было до меня и после.

Ответ оказался аккуратнее, чем ей хотелось.

— Хорошо.

Он посмотрел на сумку Неллы с документами.

— Вы нашли продолжение?

— Возможно.

— Я нужен?

Мира могла сказать «нет» и получить удовольствие, не пользу. Могла сказать «да» и отдать ему направление дела. Вместо этого она назвала предел:

— Мы идём в кассу взаимопомощи проверять одну выплату. Если там есть след рассветного стекла, потребуется ваш отдельный запрос. До этого — нет.

— Тогда я вернусь в палату.

— Вы не спросите адрес?

— Если понадобится, вы его сообщите.

Он вернулся к очереди. Вторую миску отдал пожилому мужчине, который держал место позади него, и Мира поняла, что ошиблась, приняв её за приготовленную для себя.

— Удобный человек, — заметила Зоя, когда они отошли.

— Люди не бывают удобными.

— Этот старается занимать мало места.

— Потому что его семья заняла половину станции.

— Одно другому не мешает.

Кассирша по имени Ивена сначала отказалась обсуждать выплату.

Она сидела за высокой решёткой, и её лицо пересекали квадратные тени. За спиной в шкафах лежали папки по годам. На корешках не писали имён — только виды помощи: «зима», «болезнь», «утрата», «временная работа».

— Получатель вправе показать вам свою квитанцию, — сказала Ивена. — Я не вправе показывать чужие.

— Нам не нужны чужие имена, — ответила Мира. — Подтвердите, кто внёс деньги по этому номеру.

— Это тоже банковская тайна.

— Вы не банк, — сказала Зоя.

— Поэтому у нас тайна крепче. Банк хотя бы можно обязать судом.

Нелла протянула письменное согласие госпожи Таль. Ивена прочла каждую строку, сверила подпись с карточкой и сняла с полки папку «временная работа». Нужная запись нашлась быстро.

— Деньги поступили от Фонда зимней предусмотрительности, — сказала кассирша. — Назначение: оплата испытательного труда.

— Какого труда?

— В реестре не указано.

— Фонд связан со станцией?

— Учредителей я раскрыть не могу.

Мира положила рядом копию точечного номера.

— Тогда подтвердите только форму учёта. Такие точки наносит ваша касса?

Ивена покачала головой.

— Листы приходили уже пронумерованными. Курьер приносил деньги и пачку квитанций. Мы выдавали сумму после предъявления второй половины.

— После нарушения клятвы.

Кассирша закрыла папку.

— Нам говорили — после завершения испытательного труда.

— Вы читали предмет обязательства?

— Вторая половина была сложена и запечатана.

— Кем?

— Получателем и нанимателем.

— Господин Таль знал, за что получает вторую выплату. А вы знали, что событие, открывающее конверт, — болезнь его дочери?

Ивена сжала губы. За решёткой звякнул счётный механизм.

— Нет.

В этом коротком слове было больше страха, чем в отказах.

— Сколько таких выплат прошло через кассу? — спросила Нелла.

— Я не могу показать реестр.

— Не показывайте. Назовите число.

— Число тоже раскрывает деятельность фонда.

Зоя наклонилась к решётке.

— Ивена, прошлой зимой я чинила вашу домашнюю печь. Вы трижды проверили, чтобы тяга не забирала воздух из детской. Если бы вам заплатили за обещание, что ребёнок не закашляет до весны, вы бы назвали это трудом?

— Не втягивайте мою семью.

— Её уже втянули. Просто пока не вашим именем.

Ивена встала и заперла входную дверь. Двое посетителей недовольно постучали снаружи; она перевернула табличку на «технический перерыв».

— Я не отдам вам имена, — сказала кассирша. — И не позволю унести книгу.

— Согласны, — ответила Мира.

— Вы можете смотреть только итоговые колонки. Без адресов и подписей.

— Согласны.

— Никаких магических копий.

— Нелла?

— Запишу числа рукой. Бумагу выберете вы.

Ивена достала из нижнего шкафа чёрный том. На обложке было выдавлено безобидное: «Пособия фонда». Но внутри каждая выплата делилась на две: «вступительная» и «расчётная». Первая составляла от пяти до пятнадцати серебряных. Вторая зависела от тяжести нарушения и иногда превышала первую вчетверо.

За два года касса выдала триста восемьдесят семь вступительных платежей. Расчётных — триста пятьдесят девять.

— Двадцать восемь не нарушили, — сказала Зоя.

Ивена перевернула страницу с годовыми итогами.

— Нет. По двадцати восьми фонд потребовал возврат аванса. Они отказались повторить формулу перед свидетелем.

Нелла записывала категории. «Семейная устойчивость». «Сохранение занятости». «Непрерывное здоровье». «Безусловная платёжеспособность». Ни одного прямого слова о клятвах.

— Здесь нет ни одной выполнимой формулы, — сказала Мира.

— Мы не видим формул, — возразила Нелла. — Только названия программ.

Ивена долго смотрела на закрытую дверь, затем открыла плоский ящик под столом. Внутри лежали невостребованные вторые половины квитанций — те самые двадцать восемь отказов.

— Эти люди не пришли за расчётом, — сказала она. — Фонд велел уничтожить бумаги после возврата денег. Деньги вернули не все. Я не уничтожила ни одной.

— Почему?

— Потому что один мужчина должен был обеспечить, чтобы его наниматель никогда им не разочаровался. Я решила, что плохо поняла. Потом женщина обязалась не испытывать усталости, пока ухаживает за лежащим отцом. Потом мальчик...

Она осеклась.

— Взрослый? — спросила Мира.

— Ему исполнилось восемнадцать за день до подписи. Он обязался до конца года не получать отказов при поиске работы.

Мира почувствовала, как в груди поднимается тот же сухой жар, что у печи. Такие клятвы не проверяли характер. Они выбирали точку, где мир неизбежно сильнее человека.

— Нам нужен хотя бы один договор, владелец которого согласится говорить, — сказала она.

— Я не дам адрес.

— Передайте наше приглашение сами. Без давления и без обещания выплаты. Пусть человек придёт, только если захочет.

Ивена выбрала три квитанции. Одну — об усталости, вторую — о работе, третью — о погоде: портовый грузчик обязался обеспечить семь сухих разгрузочных дней подряд. Клятва была нарушена первым дождём.

— Почему по ним не забрали осадок? — спросила Зоя.

— Они отказались повторить формулу перед служащим фонда. Курьер сказал, что без повторения материал получается слабым.

— Значит, подписи мало, — сказала Нелла. — Перед изъятием они усиливают ответственность голосом.

На внутренней стороне каждой квитанции стояла фамилия свидетеля: Орен Лат.

Мира уже собиралась попросить Ивену опечатать ящик, когда под дверью остановились тяжёлые шаги.

— Касса закрыта, — крикнула Ивена.

— Служба учёта Центральной станции. Откройте для проверки целевого расходования средств фонда.

Голос принадлежал Гарну.

Ивена побледнела.

— По расписанию они приходят в конце месяца.

Зоя посмотрела на высокие окна. Решётки были не только от воров.

— Задняя дверь?

— В архиве, но я не позволю выносить книгу.

— И не нужно, — сказала Мира. — Если уйдём тайком, Гарн заберёт её без свидетелей.

Она взяла лист бумаги, на котором Нелла записала только итоговые числа, и положила на стойку. Затем попросила Ивену открыть дверь.

Гарн вошёл с двумя учётчиками. На этот раз он не принёс ни колбы, ни приказа — только кожаную папку и выражение оскорблённой законности.

— Госпожа Вельская. Ваша лицензия приостановлена.

— Поэтому я не собираю остатки.

— Вы вмешиваетесь в договоры поставщиков.

— Я читаю квитанцию своей доверительницы.

— Фонд зимней предусмотрительности не является подразделением станции.

— Я этого не утверждала.

Гарн понял ошибку: он опроверг связь, о которой его не спрашивали.

Нелла опустила взгляд, скрывая реакцию. Зоя, наоборот, улыбнулась.

— Тогда почему служба станции проверяет расходы независимого фонда? — спросила она.

— По договору технического сопровождения.

— Номер договора? — спросила Мира.

— Не относится к предмету вашей деятельности.

Он протянул Ивене требование выдать реестр и не востребованные квитанции. Бумага была оформлена правильно: номер, печать, ссылка на договор. Не было только решения суда и согласия получателей.

— Я не могу раскрыть тайну кассы, — сказала Ивена.

— Можете. Фонд — сторона выплат.

— Но не владелец моих записей.

Гарн положил ладонь на чёрный том.

Мира не имела права его остановить. Зато Ивена имела право не отпускать книгу.

— Позовите городского пристава, — сказала Мира кассирше. — Пусть зафиксирует спор о собственности. До его прихода никто не обязан решать его силой.

— Вы даёте юридический совет без полномочий? — спросил Гарн.

— Предлагаю позвать свидетеля. Вы можете отказаться.

Один из учётчиков отвёл глаза. Второй продолжал смотреть на ящик с квитанциями.

Гарн убрал руку.

— Хорошо. Зафиксируем содержимое на месте.

Он раскрыл папку и достал считывающую пластину из рассветного стекла.
Нелла сразу положила свой стеклянный ключ на стойку.

— Стоп.

— Вы не в своей лаборатории, госпожа Рут.

— Но в пластине есть активный час. Он снимет не только изображение, но и последнее движение пера с открытых листов. Это извлечение договорных данных, а не фотографирование.

Гарн повернул пластину ребром. Внутри дрогнула тонкая светлая полоска — чей-то рассвет, растянутый до толщины волоса.

— Сертифицированный прибор.

— Назовите владельца часа и основание передачи, — сказала Нелла.

— Техническая информация станции.

— Тогда вы подтверждаете использование станцией чужого рассвета для копирования квитанций?

Он убрал пластину слишком быстро.

Мира услышала за окном звон уличного хронометра. Четыре часа. Она обещала госпоже Таль ответ завтра, но доказательство уже лежало перед ней: фонд, касса, категории невозможных обязательств, общий свидетель и прибор станции.

Не хватало только живого человека, который скажет, как его убедили произнести формулу.

Снаружи снова постучали. Не пристав.

На пороге стояла женщина лет сорока в вытертом зелёном пальто. Она тяжело опиралась на трость и всё равно дышала так, будто поднялась бегом по лестнице.

— Ивена передала записку соседскому мальчишке, — сказала она. — Кто здесь спрашивал про усталость?

Гарн шагнул к двери.

— Проверка закрытая.

— Касса моя столько же, сколько ваша, — ответила женщина. — Я храню тут деньги шестнадцать лет.

Она увидела серую квитанцию в руках Ивены и назвала номер по памяти.

— Моя.

— Госпожа, вам не следует обсуждать договор без представителя фонда, — сказал Гарн.

— Представитель фонда уже обсуждал его со мной. Сказал: если любишь отца, обязуешься не уставать. Если не обязуешься — значит, хочешь сдать его в приют.

Комната стала очень тихой.

— Вы получили аванс? — спросила Мира.

— Десять серебряных. Вернула семь. Остальное ушло на мазь. Мне сказали, три серебряных теперь долг и я не получу зимнее пособие.

— Почему не повторили клятву?

Женщина постучала тростью по полу.

— Потому что устала ещё до подписи. На бумаге соврала от страха. А вслух не смогла.

— Кто просил повторить?

Она посмотрела прямо на Гарна.

— Орен Лат. За этим господином стоял, когда они приходили проверять печь.

Гарн не отрицал знакомства.

— Господин Лат консультировал фонд как частное лицо.

— В форме станции? — спросила женщина.

Зоя медленно придвинула к ней стул. Нелла спросила разрешения записать показания. Женщина согласилась при условии, что сначала в документе укажут её усталость как факт, а не проступок.

Её звали Сава Лерн. Четыре года она ухаживала за отцом после удара. Фонд предложил деньги в неделю, когда станция пригрозила отключить дом за долги. Орен прочёл формулу быстро, но трижды повторил сумму. После подписи ей выдали аванс. Через два дня он пришёл с маленькой колбой и потребовал произнести клятву над горлышком.

— Сказал, бумажное обещание помогает получить пособие, а произнесённое подтверждает мою честность, — рассказывала Сава. — Я спросила, что будет, если устану. Он ответил: порядочные дочери не задают такой вопрос.

Мира записала фразу дословно.

— Колба имела номер?

— Внизу точки. Я решила, брак стекла.

— После отказа он забрал её пустой?

— Да. И сказал, что в следующий раз помощь получают те, кто умеет отвечать за слова.

Гарн закрыл папку.

— Эмоциональное воспоминание не доказывает системной практики.

— Поэтому у нас есть итоговые колонки, — сказала Нелла. — Триста восемьдесят семь авансов, триста пятьдесят девять расчётов, единый свидетель и точечная маркировка.

— Вы не имели права видеть реестр.

— Она видела только обезличенные итоги, — сказала Ивена. — По моему разрешению.

— А я имею право говорить о своём договоре, — добавила Сава.

Три женщины ответили ему из трёх разных мест: лаборатория, касса, дом больного человека. Мира ничего не добавила. Это было важнее любого её обвинения.

Гарн ушёл без книги. У двери остановился.

— Приостановка лицензии может стать отзывом, госпожа Вельская.

— Может. Запишите основание заранее, чтобы потом не переносить его из старого документа.

Когда дверь закрылась, Ивена опечатала чёрный том собственной печатью и печатью вкладчицы Савы. Нелла приложила третью — экспертную, без права владения. Ящик с двадцатью восемью квитанциями оставили в кассе.

Мира составила три отдельных акта. В первом — только данные госпожи Таль. Во втором — обезличенные итоги. В третьем — показания Савы. Их нельзя было скрепить без согласия обеих женщин: станция слишком долго превращала чужие нужды в один удобный материал.

— Что теперь? — спросила Сава.

— Вы решаете, передавать ли свой акт палате, — сказала Мира. — Отказ не сделает ваши слова менее правдивыми.

— А пособие?

— Его могут задержать.

— Уже задержали.

Сава перечитала акт и поставила подпись.

— Тогда пусть хоть причина будет настоящая.

На улице Зоя спросила:

— Мы несём это в палату?

— Сначала копии владельцам. Потом независимому хранителю. Затем палате — только то, на что есть согласие.

— Станция за ночь вычистит договорный цех.

— Если побежим быстрее согласия, станем похожи на них.

Зоя помрачнела, но не спорила. Нелла достала из сумки стеклянный ключ и вернула Мире.

— В кассе он сработал.

— Ты остановила процедуру, которую начала не артель.

— Правило оказалось переносным.

Они шли домой через Нижние улицы. Тепло, добытое из клятвы Таль, давно закончилось; в окнах снова горели масляные лампы, вокруг труб наматывали одеяла. У передвижной кухни очередь стала длиннее.

Ян ждал не у мастерской, а у перекрёстка, где начиналась дорога к палате. Мира сама назвала ему адрес утром, отправив посыльного после появления пластины. Он приехал поздно и не попытался войти в кассу без приглашения.

— Рассветное стекло было? — спросил он.

— Было. В считывающей пластине Гарна. Нелла видела активный час.

— Тогда я могу запросить журнал приборов.

— Можете запросить конкретную пластину, время и основание использования. Не весь реестр кассы.

— Понял.

Она передала ему номер, записанный Неллой, и отдельный акт о приборе. Пальцы Яна коснулись края бумаги, не её руки.

— Мы нашли триста восемьдесят семь платных договоров, — сказала Мира. — Людей выбирали среди просивших помощь. Им предлагали отвечать за болезнь, усталость, чужое решение, погоду. Триста пятьдесят девять формул были нарушены и оплачены.

Ян медленно выдохнул. Предрассветный свет вокруг него дрогнул.

— Это годовой запас станции.

— Откуда знаете?

— По объёму закупок. В отчётах он назван резервом добровольных поставок.

— Семейные отчёты?

— Отчёты аудитора. Но моя семья получала дивиденды с каждого такого резерва.

Он не отвёл взгляд и не предложил немедленно искупить вину. Просто назвал выгоду.

— Пришлите расчёт официально, — сказала Мира. — С формулой и пределом точности.

— К утру.

— Не обещайте, если доступ к журналу могут закрыть.

Ян помолчал.

— До десяти утра сообщу, получил ли доступ. Если получу, расчёт представлю до полудня. Если нет — назову, кто отказал и на каком основании.

— Так подходит.

Зоя и Нелла ушли вперёд, обсуждая замок для второго шкафа. Мира задержалась на перекрёстке.

— Почему вы отдали девятнадцать рассветов? — спросила она.

— Каждый след матери держится сутки. Если не подпитать его, хронометр перестанет показывать направление.

— А если отдадите слишком много?

— Начну терять способность различать начало вещей. Сначала утро от продолжения ночи. Потом новое решение от привычки.

— И всё равно продолжаете.

— Пока да.

В его ответе не было «навсегда». Мира заметила это прежде, чем успела запретить себе замечать.

— Не используйте следующий рассвет ради нашего запроса, — сказала она. — Журнал должен открываться полномочиями, не вашей жизнью.

— Это условие совместной работы?

— Да.

— Принимаю.

Они разошлись без рукопожатия.

В мастерской пахло свежей краской. Медная планка надписи поблёскивала в свете одной лампы. Нелла спрятала копии в два шкафа, Зоя проверила печь, а Мира села за стол и выписала на отдельный лист все формулы, которые им удалось увидеть.

Не уставать.

Не болеть.

Не получать отказов.

Обеспечить сухую погоду.

Не разочаровать нанимателя.

Каждая выглядела как упрёк человеку за то, что мир не подчиняется его воле. Каждая производила топливо в тот миг, когда реальность неизбежно возражала.

Станция не покупала случайные последствия нарушенных слов.

Она заказывала невозможность, выдавала её за добродетель и платила только после того, как человек терпел поражение.

Мира перевернула квитанцию господина Таля. На обороте, под строкой расчёта, мелкими буквами было напечатано: «Получатель подтверждает отсутствие претензий к способу исполнения».

Он поставил подпись и там.

Но Лея не подписывала болезнь. Госпожа Таль не соглашалась потерять возможность обещать защиту. Сава не соглашалась стать топливом из-за усталости. Их нужда была известна заранее, а последствия спрятаны после суммы.

Мира открыла журнал артели и записала новое правило рядом с тремя ключами:

«Обязательство не считается добровольным, если отказ лишает человека тепла, лечения, пищи или уже положенной помощи».

— Это пока не закон, — сказала Зоя у неё за плечом.

— Пока — наше условие работы.

Нелла поставила подпись первой. Зоя — второй. Мира подписала последней.

Под полом прошла тяжёлая волна городской магистрали. Стёкла дрогнули, а из шкафа с доказательствами донёсся слабый звон. Не одна колба — сразу несколько пустых пробирок откликнулись на далёкий выброс.

Центральная станция разожгла вечерние печи.

Где-то в городе превращались в жар триста пятьдесят девять поражений, заранее вписанных в договоры. В домах теплели батареи, и люди благодарили систему за спасение от холода, не зная, кому именно заплатили за невозможность не устать, не заболеть, не быть отвергнутым.

Мира закрыла журнал.

Теперь у них был не только способ изготовления поддельного согласия.

У них был товарный заказ на человеческую неудачу.

Глава 6. Часы госпожи Корвен

В десять утра Ян прислал не расчёт, а имя человека, который запретил ему считать.

На листе стояло: «Доступ к журналу пластины ЦС-17 отклонён хранителем временных активов Лиорой Корвен. Основание — семейная тайна владельцев станции». Ниже Ян написал адрес, часы приёма и короткое пояснение: его мать согласна показать оригинал отказа Мире, Нелле и представителю городской счётной палаты, но не отдаст документ сыну.

— Удобная семья, — сказала Зоя. — Один открывает двери, другая тут же их запирает.

Мира перечитала письмо. Ян выполнил ровно то, что обещал: сообщил, получил ли доступ, кто отказал и на каком основании. Не потратил рассвет, не обошёл запрет фамильным ключом, не попытался представить поражение как услугу.

— Он не открывал эту дверь, — сказала она. — Только назвал её.

— А адрес?

— Госпожа Корвен сама разрешила прийти.

Нелла уже рассматривала печать под холодной линзой.

— Настоящая. И письмо составлено вчера, до запроса Яна.

— Значит, она ждала, когда мы доберёмся до пластины.

— Или до неё, — заметила Зоя.

Дом Корвенов стоял на Верхней дуге, где городская магистраль не проходила под улицей, а поднималась вдоль фасадов в медных коробах. Здесь тепло не прятали. Его выставляли напоказ: на карнизах не лежал снег, ступени оставались сухими, зимние сады за стеклом держали летнюю зелень. Каждый дом будто говорил Нижним улицам, что холод — следствие дурного управления хозяйством.

Мира надела рабочий плащ с закрашенной эмблемой лицензии. Не для вызова. Просто другой зимней одежды у неё не было.

У ворот их встретил Ян. Предрассветный час вокруг него стал тоньше, чем вчера. Свет уже не заполнял воздух, а держался узкой полосой на воротнике и скулах.

— Вы отдали ещё один? — спросила Мира.

— Нет. Старый след слабеет.

— Тогда почему вы здесь?

— Мать потребовала моего присутствия как совладельца. Вы можете отказаться входить, пока я не уйду.

Он сказал это при привратнице и перед открытой книгой посетителей. Отказ можно было записать.

— Останетесь до предъявления долей и хронометра, — решила Мира. — При обсуждении доступа к данным станции не голосуете. Если госпожа Корвен попытается сослаться на ваше согласие, мы прекращаем встречу.

— Принимаю.

— Это не клятва.

— Поэтому и принимаю.

Привратница подняла глаза, но ничего не сказала.

Лиора Корвен ждала в часовой комнате. Там не было обычных часов. На стенах висели пустые оправы, стеклянные циферблаты без стрелок, маятники без корпусов. В центре на отдельной подставке стоял небольшой хронометр из тёмного серебра.

За его стеклом застыл рассвет.

Не рисунок солнца и не золотая пыль, какую добавляли в дешёвые праздничные часы. Настоящая граница утра: синий край неба, первая тёплая полоса, тень крыши, которая должна

была сдвинуться через мгновение. Но мгновение не наступало. Свет давил на стекло изнутри и возвращался к исходной точке.

Лиора сидела рядом в высоком кресле. В пятьдесят девять лет она выглядела не старой, а незавершённой. Лицо сохраняло внимательность человека, который вот-вот продолжит прерванную фразу. На коленях лежала счётная книга с фамильным тиснением.

— Госпожа Вельская, госпожа Рут, — произнесла она. — Мастера Зою Вельскую вы не привели.

— Она хранит оригиналы свидетельств и ведёт артель. Мы не оставляем доказательства без ключа ради семейного приглашения.

— Разумно. Ян в детстве тоже любил распределять ключи, пока не понял, что наследнику дают один ключ от всех дверей.

— Я понял другое, — сказал Ян.

— Ты здесь не для ответа.

Он замолчал. Мира отметила, что это было не послушание, а соблюдение её условия: при обсуждении данных станции он не голосует.

Лиора указала на два стула. Нелла осталась стоять.

— Я не сажусь рядом с активным временным прибором до проверки защиты.

— Мой хронометр безопасен.

— Это утверждение владельца, не заключение эксперта.

В уголках губ Лиоры появилось нечто похожее на удовольствие.

— Проверяйте без прикосновения.

Нелла вынула холодную линзу, медную вилку и полоску бесчасового стекла. Сначала обошла подставку, затем положила вилку на пол. Та задрожала одним зубцом в сторону хронометра, другим — в сторону магистрального короба за стеной.

— Есть связь со станцией, — сказала Нелла. — Слабая, но действующая.

— Не со станцией. С моим именным резервом.

— Где хранится резерв?

— На станции.

— Тогда связь со станцией.

Лиора перелистнула счётную книгу.

— Вы пришли за журналом пластины Гарна.

— Сначала за основанием отказа, — ответила Мира. — Письмо называет вас хранителем временных активов. Это должность или семейная привилегия?

— Должность, учреждённая советом владельцев двадцать два года назад.

— Кто назначил вас?

— Совет.

— Какова ваша доля?

Лиора повернула книгу к ним. На странице были перечислены владельцы Центральной теплостанции. Дом Корвенов владел тремя восьмыми капитала, правом назначать хранителя временного резерва и одним из пяти голосов по аварийным закупкам. Доля Яна составляла одну шестнадцатую — выделенную, но до сих пор связанную семейным голосованием.

— Вы получали дивиденды от резерва добровольных поставок? — спросила Мира.

— Получала.

— Знали, из чего он состоит?

— Из осадка договорных обязательств.

— Заведомо невозможных?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, но хронометр не отозвался. Он вообще не судил правду. Только удерживал украденное утро.

Мира положила на стол обезличенную выписку кассы: триста восемьдесят семь авансов, триста пятьдесят девять расчётов.

— Фонд зимней предусмотрительности платил людям за обещания не болеть, не уставать, не получать отказов и управлять чужими решениями. После нарушения осадок поступал станции. Орен Лат принимал формулы над маркированными колбами. Гарн попытался считать реестр пластиной, содержащей активный рассветный час.

Лиора не коснулась листа.

— Вы не можете доказать, что час принадлежал моему резерву.

— Поэтому нам нужен журнал.

— А журнал связан с хранилищем всех временных активов. В нём имена людей, передавших часы добровольно.

— Значит, покажите запись одной пластины независимому контролёру и закройте остальные строки.

— Контролёры палаты продают сведения.

— Вы знаете конкретный случай?

— Я знаю город.

— Это не основание лишать владельцев часа проверки.

Лиора посмотрела на сына.

— Ты привёл ко мне женщину, которая разговаривает так, будто уже судит нас.

Ян не ответил.

— Он привёл аудитора своего конфликта интересов, — сказала Мира. — И не имеет права защищать ни вас, ни меня в этой комнате.

— Вы быстро научили его молчать.

— Нет. Мы заранее ограничили его роль.

Мира чувствовала присутствие Яна за плечом, но не искала его взгляда. Именно это и было проверкой союза: он должен был выдержать пространство, где его полезность намеренно уменьшили.

Лиора закрыла книгу.

— Вы хотите знать, почему я отказала ему до получения запроса?

— Да.

— Потому что Арден Прах предупредил меня вчера утром. Сказал, Ян попытается использовать семейный доступ для личного расследования и подвергнет резерв опасности.

— Прах знал номер пластины?

— Назвал его полностью.

Нелла записала время разговора.

— Значит, Гарн доложил ему сразу после кассы, — сказала она.

— Или Прах сам выдал пластину, — ответила Мира. — Покажите предупреждение.

— Оно было устным.

— Кто присутствовал?

— Мой секретарь.

— Мы можем получить её свидетельство?

— Его.

— Его свидетельство?

— Если он согласится.

Лиора впервые посмотрела не на документы, а на остановленный рассвет.

— Прах также сказал, что у вас находится топливо, способное разрушить мой хронометр.

— Топливо сожжено по воле владелицы, — сказала Мира. — Остались зола и янтарная оболочка. При горении станция пыталась выкачать образец через магистраль. Оболочка отозвалась на часы вашего прибора.

— Не на мои часы. На мой рассвет.

Она встала. Движение далось ей легко, но у подставки Лиора остановилась, словно не знала, с какой стороны к ней подойти.

— Двадцать лет назад станция работала на остатках обычных нарушений, — сказала она. — Топлива не хватало. Зимой останавливались ткацкие цеха, больницы закрывали ночные корпуса. Арден предложил стабилизировать слабый осадок рассветным временем. Один добровольно отданный час удерживал партию от распада.

— Какова цена для владельца часа? — спросила Нелла.

— Он позже просыпается внутри собственного дня. Иногда не узнаёт начало события. При малой дозе неудобство обратимо.

— А при большой?

Лиора не ответила.

Ян нарушил молчание только потому, что речь шла не о данных станции, а о нём самом:

— Человек перестаёт отличать новое от уже случившегося.

— Я не разрешала тебе говорить.

— Разрешение принадлежит мне. Я отдал девятнадцать рассветов.

Мира обернулась.

— Вы говорили, что подпитывали след матери.

— Так и есть. Но след питается через семейный резерв. Каждый мой час сначала учитывается станцией.

В комнате стало слышно, как медный короб за стеной принимает тепло. Мира вспомнила формулу их первого соглашения: взаимный доступ, запрет передачи результатов станции или дому Корвенов. Ян раскрыл родство и долю, но не раскрыл, что каждый поиск матери проходил через счёт станции.

— Вы знали? — спросила она.

— Что часы учитываются — да. Что ими стабилизируют текущие партии — нет. Мне показывали нулевой расход.

— Почему не сказали об учёте?

— Счёл это семейной процедурой, не влияющей на расследование.

— А теперь?

— Теперь вижу, что ошибся.

Не оправдание. Но и не мелочь.

Мира сняла с запястья стеклянный ключ и положила на край стола.

— Совместная работа остановлена.

Ян побледнел не сильнее обычного. Только предрассветная полоска у его виска погасла.

— До какого условия?

— Пока независимый контролёр не установит, куда ушли ваши девятнадцать часов и какие сведения вы считали не относящимися к делу. Вы не запрашиваете новые журналы и не подпитываете хронометр.

— След исчезнет.

— Возможно.

Лиора резко повернулась к ней.

— Вы требуете от него отказаться от матери.

— Нет. Я отказываюсь строить доказательство на ресурсе, который станция получает от участника расследования через нераскрытый канал. Ян сам решит, продолжать ли поиск без нашей артели.

— И если он потеряет след?

— Это будет его решение и ваша семейная цена. Не долг, который вы переложите на меня.

Ян смотрел на стеклянный ключ.

— Остановка принята, — сказал он.

Лиора ударила ладонью по столу. Хронометр ответил тонким звоном, и застывшая тень крыши внутри него дрогнула.

Нелла подняла медную вилку.

— Связь усилилась.

На стекле проступили точки. Не трещины — маркировка, такая же, как на колбе Таль и бланках согласий. Раньше её скрывала серебряная оправка; теперь янтарный свет вышел к краям и проявил производственный шаблон.

— Госпожа Корвен, отойдите от прибора, — сказала Нелла.

— Это мой рассвет.

— Поэтому отойдите.

Лиора не послушалась. Она положила пальцы на оправу.

Комната наполнилась утром.

Свет не стал ярче. Он стал обязательнее. Мира внезапно знала, что должна открыть шторы, встать лицом к востоку, назвать первое дело дня и довести его до конца. Рядом Ян шагнул к окну. Лиора потянулась к защёлке хронометра.

Нелла бросила на подставку полосу бесчасового стекла. Та раскололась, приняв приказ начала на себя. Давление ослабло.

Мира схватила Лиору за запястье и отвела её руку от защёлки.

— Не открывайте.

— Там мой рассвет!

— Там обработанный актив станции.

Ян уже стоял у окна с поднятой рукой. Он медленно опустил её.

— Я собирался открыть шторы, — сказал он.

— Я тоже, — ответила Мира.

Нелла не сводила линзы с маркировки.

— Хронометр не просто хранит время. Он передаёт формулу начала всем, кто рядом. Та же технология, что сцепила клятву господина Талья с его женой. Только здесь адресатами сделали присутствующих.

— Арден чинил оправу после кражи, — сказала Лиора.

— Когда?

— Через три дня. Я не могла закрыть часы. Он заменил защитное кольцо.

— И с тех пор вы храните резерв?

— С тех пор я не покидаю дом до полудня. Утро не начинается, пока хронометр не решит.

В её голосе впервые не было власти. Только точность человека, который наконец назвал собственную клетку.

Мира отпустила её руку.

— Вы соглашались на такое воздействие?

— Я соглашалась сохранить след.

— Не то же самое.

Лиора посмотрела на сына. Возможно, хотела попросить его пообещать, что он вернёт ей рассвет. Но слово не пришло. По словам Яна, после кражи она утратила способность обещать возвращение.

— Что вам нужно для независимой проверки? — спросила она.

— Контролёр, которого не выбираете ни вы, ни Ян, ни станция, — сказала Мира. — Нелла проверяет вещество и прибор, контролёр — журналы и доли. Оригиналы остаются у владельцев, копии разделяются. До проверки хронометр отсоединяют от магистрали без вскрытия.

— Если отсоединить его, след погаснет.

— Нелла?

— Не обязательно. Можно поставить бесчасовой разрыв: связь прекратится, содержимое останется в замкнутом контуре примерно на сутки. Точнее скажу после измерения.

— Кто оплатит работу?

— Артель выставит счёт вам как владелице прибора. Оплата не покупает заключение.

Лиора почти улыбнулась.

— Вы лишены лицензии.

— На сбор и продажу осадка. Нелла сохраняет право химического анализа, Зоя — печного ремонта. Я веду договор и не прикасаюсь к активу.

— Вы подготовились.

— Мы живём на Нижних улицах. Там подготовленность называется зимой.

Лиора вернулась к столу и открыла счётную книгу на чистой странице.

— Я согласна при одном условии: контролёром станет человек из городской палаты не ниже старшего счётчика.

— Нет, — сказала Мира.

— Почему?

— Вы снова выбираете сторону. Мы запросим три кандидатуры: от палаты, от союза вкладчиков кассы и от гильдии часовщиков. Каждая сторона сможет отвести одного. Оставшийся проведёт проверку по заранее записанным вопросам.

— Это займёт дни.

— Бесчасовой разрыв даст сутки. Если не успеем, вернём связь в присутствии свидетелей и зафиксируем расход. Быстрота не заменяет согласия.

Ян стоял в стороне. Мира видела, как ему хочется предложить имя, деньги, доступ — хоть что-нибудь полезное. Он не предложил.

Лиора написала согласие на временное отсоединение, осмотр маркировки и выбор независимого контролёра. Потом остановилась над строкой о журнале.

— В записях есть имена доноров.

— Контролёр проверит только движение часов по пластине ЦС-17 и девятнадцати взносам Яна. Имена других владельцев закроют до передачи. Если движение связано с ними, контролёр сообщит число и характер связи без раскрытия личности.

— А если там преступление?

— Тогда вопрос о раскрытии решат владельцы данных или суд. Не мы в этой комнате.

Лиора подписала.

Нелла поставила вокруг хронометра три стойки из бесчасового стекла. Четвёртую передала Мире, но та покачала головой.

— Я не участвую в технической операции. Мой допуск приостановлен.

Стойку взял Ян.

— Нет, — сказала Мира. — Вы владелец доли и донор часов.

Он сразу вернул её.

Лиора позвала своего часовщика. Пожилой мужчина по имени Теваль прочёл согласие вслух, проверил право Неллы и только после этого установил четвёртую стойку. Вместе они повернули разрывные винты.

Медная вилка затихла.

За стеклом хронометра рассвет впервые перестал толкаться наружу. Синяя граница осталась на месте, но тёплая полоса стала мягче. Лиора зажмурилась.

— Что вы чувствуете? — спросила Нелла.

— Что утро уже было, — ответила она. — И мне не нужно его начинать снова.

Теваль записал показание как свидетель, не как диагноз.

Перед уходом Мира забрала стеклянный ключ со стола. Ян проводил их до ворот, хотя совместная работа оставалась остановленной.

— Вы правильно сделали, — сказал он.

— Не превращайте мою границу в услугу вам.

— Хорошо. Тогда иначе: я не раскрыл значимую связь. Остановка обоснованна.

— Да.

— Что я могу сделать до проверки?

— Ничего для артели. Для себя — составьте полный перечень семейных процедур, которые считали не относящимися к делу. Не передавайте нам, пока контролёр не определит поря-
док доступа.

— А хронометр?

— Вы обещали не подпитывать его.

— Я принял условие. Не обещал.

— Тем лучше.

Он посмотрел на окна часовой комнаты. В одном из них впервые за много лет были раскрыты шторы, но сделала это не магическая команда. Лиора сама стояла у стекла, далеко от хронометра.

— Если след погаснет ночью, — сказал Ян, — я потеряю единственное направление к её рассвету.

— А если продолжите кормить след через станцию, направление будет принадлежать тому, кто ведёт учёт.

— Знаю.

Мира ждала вопроса: что бы выбрала она? Он не задал. Ответ нельзя было занять у другого человека.

У ворот Нелла показала ей зарисовку точек на оправе. Первые группы совпадали с маркировкой договорного цеха. Последняя обозначала не партию топлива, а адресатную связь.

— Прах поставил кольцо, которое превращает всех рядом в получателей одной формулы, — сказала Нелла. — Если такую же схему встроить в магистраль, можно передавать последствия с обещавшего на семью, дом, улицу.

— Или на весь район.

С Верхней дуги Нижние улицы казались тёмной выемкой между крышами. Над ними лежал дым Центральной станции, ровный и густой. Тепло шло вниз вместе с невидимыми связями, которых никто не выбирал.

Мира вынула блокнот и записала три вопроса для будущего контролёра: куда списали девятнадцать рассветов Яна; кто выдал Гарну пластину ЦС-17; сколько адресатных колец установлено на городской магистрали.

Четвёртым она добавила: кто получает право решать, когда чужой день считается начавшимся.

Это уже не было семейной тайной Корвенов.

Это было устройство города.

Глава 7. Первая холодная ночь

К закату медные трубы Нижних улиц остыли второй раз.

На этот раз станция не прислала ни требования, ни инспектора. Просто исчез гул под мостовой, который жители обычно не замечали, пока он был. Потом на окнах проступили ледяные перья, вода в кувшинах затянулась тонкой плёнкой, а над крышами Центральной станции продолжал идти ровный белый дым.

Зоя приложила ладонь к трубе в мастерской и сразу отёрнула.

— Не авария. Задвижку закрыли медленно, чтобы не было удара.

Нелла держала у стыка медную вилку. Зубцы не дрожали.

— И обратной тяги нет. Они не хотят забрать топливо. Хотят, чтобы мы пришли за ним.

Мира посмотрела на полки. После приостановки лицензии девять обычных колб оставались опечатанными: слабые остатки бытовых обещаний, собранные до запрета и не проданные станции. В каждой теплилось слишком мало, чтобы согреть дом на ночь. Вместе они могли дать несколько часов одной печи. Цена была известна только для семи владельцев; двоих найти не удалось.

— Ни одну не вскрываем без повторного согласия, — сказала она.

— Даже те, где разрешение на продажу подписано? — спросила Зоя.

— Продажа станции не равна аварийному сжиганию в жилом доме. И старые формы не объясняли потерю способности повторить обещание.

В дверь ударили трижды. На пороге стояла Лея Таль в слишком большом пальто. За её плечом теснились соседи.

— В прачечной опять холодно, — сказала она. — Тётя Вена перенесла бабушку к котлу, но котёл уже пустой. Мама спрашивает, можно ли чем-нибудь помочь.

Она не сказала: мама обещала. После сожжения колбы госпожа Таль больше не могла произвести такого обещания дочери. Эта пустота в речи была точнее любого обвинения.

Мира взяла журнал владельцев.

— Помочь можно. Но не одной большой клятвой и не чужой ценой.

Она разделила улицу на четыре участка: прачечная с лежащими больными, столовая, дом у водоразборной колонки и мастерская, где можно было греть кирпичи для остальных квартир. Зоя начертила схему переносных печей. Нелла рассчитала минимальную смесь: слабый осадок нельзя было бросать в обычный огонь по одному — он вспыхивал резко и выжигал формулу владельца без полезного тепла. Если смешать три разных остатка с угольной крошкой и отделить их бесчасовым стеклом, горение становилось медленным.

— Это теория, — предупредила Нелла. — Мы не испытывали смесь на жилой ветке.

— Значит, первая печь будет здесь, — сказала Мира. — На открытом дворе. Без подключения к магистрали.

Зоя уже снимала с крюка два малых корпуса.

— Трёх не хватит.

— Не обязаны хватить. Мы сначала выясним, сколько у нас законного и безопасного топлива.

Мира отправила Лею с письменными записками. Не с просьбой «спасти район», а с точным вопросом: согласен ли владелец разрешить одно аварийное сжигание своего остатка сегодня, в такой-то печи, для такого-то дома, зная необратимое последствие. Отказ не требовал объяснения и не лишал владельца денег за уже выполненный сбор.

Через двадцать минут пришла первая хозяйка колбы — портниха Эдна Вар. Её остаток возник из нарушенного обещания никогда больше не шить ночью. Эдна выслушала Неллу, долго грела руки дыханием и спросила:

— Если сжечь, я больше не смогу обещать, что не сяду за иглу после полуночи?

— Да, — сказала Мира. — Сможете решить не шить. Сможете предупредить заказчика.

Но дать такую же клятву не сможете.

— Тогда сжигайте. Я всё равно больше не разбрасываюсь словом «никогда».

— Для какой печи?

Эдна удивилась.

— А разве не всё равно?

— Нет. Вы выбираете назначение.

Она указала на прачечную.

Второй владелец, переплётчик Рем, отказался. В его колбе хранилось обещание закончить книгу умершего брата. Он прижал футляр к груди и сказал, что ещё не решил, хочет ли однажды повторить эти слова иначе. Мира вернула колбу на полку и вычеркнула её из расчёта.

Никто не возразил. Только мужчина из толпы спросил:

— А если из-за его отказа замёрзнет ребёнок?

— Тогда ответственность лежит на тех, кто перекрыл исправную ветку, — ответила Мира. — Не на владельце, которого мы поставим перед ребёнком и заставим согласиться.

Третью колбу разрешила вскрыть повариха Дана, когда узнала, что её остаток пойдёт в столовую. Четвёртый владелец согласился только после того, как Зоя вписала предел: одна мерная ложка, не вся колба. Пятая женщина попросила час на решение. Шестой пришёл пьяным, и Мира не приняла его подпись.

К восьми вечера у артели было три полных согласия, одно ограниченное и две печи. Этого не хватало даже на половину отмеченных домов.

Тогда Зоя предложила то, чего станция не делала никогда:

— Не поведём тепло по трубам. Поведём людей к теплу.

Столовую освободили от столов и разделили занавесями. В прачечной поставили лавки между сушильными рамами. Семьи принесли одеяла, кирпичи, чайники и списки тех, кто не мог прийти сам. Никому не предлагали пообещать порядок, благодарность или работу взамен. На дверях Мира повесила единственное правило: место получают по потребности, а не по вкладу.

Первая пробная смесь легла в печь тремя отдельными полосами. Нелла поставила между ними пластины бесчасового стекла. Зоя проверила тягу. Мира стояла за меловой чертой: её лицензия не позволяла касаться осадка, и даже холод не возвращал ей права притвориться, будто запрета нет.

— Три ключа, — сказала Зоя.

— Технически готово, — сказала Нелла. — При скачке закрываю воздух и разбиваю среднюю пластину.

Обе посмотрели на Миру.

Она проверила согласия, назначения и дозы.

— Право есть. Зажигайте.

Зоя повернула пусковой ключ.

Пламя поднялось невысокое, разного цвета: медовое, синее и почти прозрачное. Каждая полоса сначала пыталась гореть отдельно. Обещание Эдны тянулось к ночным окнам, обещание Даны — к пустым котлам, третье искало человека, которому когда-то было адресовано. Бесчасовые пластины не давали формулам сцепиться. Через минуту цвета смешались, но слова остались разделены.

Тепло пошло не рывком, а широким дыханием.

Нелла записывала температуру каждые тридцать ударов часов. Зоя держала руку на заслонке. Мира следила не за огнём, а за людьми. Эдна вздрогнула, когда первая полоса погасла.

— Попробуйте сказать то обещание, — попросила Нелла.

— Я никогда больше...

Эдна замолчала. Потом спокойно закончила иначе:

— Сегодня ночью я шить не буду.

Фраза прозвучала. Ограниченное решение осталось ей доступно.

— Вот что забрало горение, — сказала Мира собравшимся. — Не волю и не ремесло. Только возможность снова связать себя тем же «никогда».

У ворот слышался звон станционной упряжи. Инспектор Гарн приехал с двумя служащими и запечатанным ящиком топлива. На его форменном воротнике блестел иней, зато медные грелки под плащом работали.

— Центральная станция готова восстановить подачу, — объявил он. — При условии допуска к незаконной топливной операции и передачи всех остатков на ответственное хранение.

— Запишите условие, — сказала Мира.

— Сейчас не время для бумаг.

— Тогда это не предложение, а звук.

Гарн указал на печь.

— У вас приостановлена лицензия.

— Я не извлекала, не смешивала и не зажигала осадок. Работы выполнили лицензированные печной мастер и аналитик. Вот согласия владельцев, дозы и назначения. Осмотр возможен без изъятия и без доступа к именам тех, кто отказался.

— Район замерзает, а вы торгуетесь о формулировках.

— Район замерзает, потому что ваша исправная задвижка закрыта. Назовите аварийный номер.

Гарн не назвал.

Лея стояла у стены с журналом прихода. Мира заметила, как девочка считает свидетелей, и попросила её отнести чай в прачечную. Ребёнок не должен был становиться щитом в споре взрослых.

— В ящике достаточно топлива на всю ночь, — сказал Гарн тише. — Вы можете получить его сейчас.

— Чей осадок?

— Сертифицированная партия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.